

Евгения Ладыжец

Безымянная невеста

Наперегонки с Судьбой

Евгения Ладыжец

Безымянная невеста

«Издательские решения»

2015

Ладыжец Е. А.

Безымянная невеста / Е. А. Ладыжец — «Издательские решения», 2015

От судьбы не убежишь, уверяют фаталисты. Судьбу каждый выбирает по себе, твердят герои. Оксана Карская, по ошибке или по злему умыслу примерившая чуждый людям наряд во время спектакля в питерском театре, на личном опыте убедилась, что заблуждаются и те, и другие. Попробуй-ка побродить по всем возможным тропинкам собственной Судьбы, да еще и не ошибиться в выборе!

© Ладыжец Е. А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Пролог	6
Часть 1	7
Глава 1. Что день грядущий нам готовит	7
Глава 2. Трагическая любовь...	13
Глава 3. Весь мир – театр	17
Глава 4. Ведьмин бал	22
Глава 5. Новые знакомцы	27
Глава 6. Безымянная	33
Глава 7. Игры со смертью	39
Часть 2	45
Глава 8. Поворот	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Безымянная невеста

Наперегонки с Судьбой

Евгения Ладыжец

Посвящается Ксении Кампуно, которая не побоялась рискнуть ради своей мечты – и теперь живет в самом красивом городе этой страны.

Автор

© Евгения Ладыжец, 2015

© Анна Болотова, фотографии, 2015

Критик и вдохновитель Ксения Кампуно

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Пролог

В цокольном помещении торгового центра на Финляндском вокзале нездоровое оживление держалось даже сейчас, в третьем часу утра. По коридорам сновали техники и электрики, увешанные оборудованием, в главном зале дизайнер труппы пронзительно кричала на оформителей клуба, в трех чиллаутах раскраивали и подшивали костюмы, даже за барной стойкой, вопреки обыденным традициям, фырчал навороченный цветной принтер, выплевывая порции билетов и афиш.

Режиссер труппы, худощавая невысокая девица с задорными синими косичками и в широкой клетчатой рубашке поверх аляповатой майки, со стоном взобралась на высокий стул у барной стойки. Клуб «Муар», арендованный театральной труппой «Les Marionnettes», за три дня нужно привести в презентабельное состояние к субботнему спектаклю, а треть команды разъехалась по родственникам после годового турне по Европе. Директор Леру же после приземления в аэропорту просто исчез в неизвестном направлении, оставив режиссеру деньги на расходы и пожелание удачи. Анна Лотосова, или Аннушка, как ее ласково прозвали коллеги за феноменальное чутье на чужие неприятности, подтянула к себе ноутбук, следя, чтобы не оборвались провода к принтеру, и принялась за изучение списка задач перед спектаклем.

– Ань, что там у нас с заявками? – Пожилой мужчина, похожий на лохматого колобка, устало опустил в побитое временем кресло у стойки.

– Собираются потихонечку. – Аннушка, скрючившись буквой «зю», стащила ноут со стойки, поставила его к себе на колени и переключилась на таблицу с данными заявок на сайте.

– Сколько уже?

– Семьдесят две. А, нет, три – только что еще пришла.

– Прочитай вслух, что ли. Хоть знать буду, для кого костюмы и роли заказывать.

– А кто пишет, Федор Ефимыч? – поинтересовалась Аннушка у сценариста, не отрываясь от монитора.

– Юлия Селиверстова, помнишь такую?

– О, она же с нами не поехала тогда в Европу, в городе с бабушкой осталась. Она у нее еще то ли гадалка, то ли экстрасенсорша известная?

– Да-да, она. Читай все подряд заявки, я настраиваться буду. – Мужчина достал из кармана планшет, вооружился стилусом и приготовился слушать.

– Что ж, поехали. Начну с последней. Итак, Оксана Карская, 26 лет, старший помощник нотариуса. Чиновник по образованию – «спасибо» бабушке, крестной декана факультета гос. управления в одном из универов родного города. Сейчас ходит на курсы для кадровиков. Одна из «понаехавших» в пасмурный культурный Санкт-Петербург. Не замужем, детей нет. Вредных привычек... Федор Ефимыч, любовь к рок-музыке и натуральному кофе вредными считать? Ладно, не отвлекаюсь. Характер – в меру спокойный. Не терпит вранья, позерства и хамства. Внешность... Внешность – приятная. Хотя все зависит от макияжа и одежды, мне кажется. Рост – метр восемьдесят пять. Глаза – каре-зеленые. Волосы – каштановые, до лопаток. Телосложение как у спортсмена, на год бросившего тренировки. Хобби – хождение по рок-концертам, путешествия, умные фильмы и книги. Кстати, пишет стихи. Заветная мечта...

– Погоди-ка, Ань. Покажи фотографию. Отлично, все понял. Юльке заметку сделал. Давай следующую анкету...

Часть 1

Глава 1. Что день грядущий нам готовит

*Счастье в жизни предскажет гаданье,
И неожиданный удар роковой,
Дом казённый с дорогою дальней,
И любовь до доски гробовой!*
«Гадалка», Л. Дербенев

«Театральная труппа Les Marionettes после долгого отсутствия по причине гастролей, наконец, вернулась в родной город и приглашает своих поклонников, друзей и партнеров на Бал-маскарад в честь древнего праздника Самхейна! Директор театра, г-н Леру, человек известный и весьма эксцентричный, лично адресует приглашение именно Вам, обещая море эмоций, чувств, страстей и сюрпризов...»

Наверное, все началось с того объявления. Не заметь его Лелька, мы бы не пошли в тот театр. Не пойдя я туда – не пришлось бы выходить на сцену в этом безумном костюме. Не выйдя я на сцену... Так и продолжала бы тогда сидеть в прокуренном офисе, развозить по городу документы и мечтать о Том самом мужчине.

Объявление какой-то оригинал распечатал на белой бумаге с изображением густой паутины серого цвета в качестве фона. Висело оно, крепко приклеенное, на двери подъезда, где мы с подругой снимали квартиру.

– О, еще одни театралы вернулись в родные пенаты, – Лелька вчиталась в текст, прищурившись, пока я искала ключи в недрах своей сумки. – Опять у тебя пятое измерение в бауле открылось? Как обычно, впрочем... – подруга вздохнула, поскребла пальцем бумагу.

– Стремная афиша какая-то. Ксан? Давай сходим, что ли?

– Ты же сама сказала, что афиша стремная. Все, нашла, наконец-то. – Ключи нашлись в потайном кармане вместе с банковскими карточками. Дверь натужно скрипнула, впуская нас – подъезд встречал непроглядной темнотой, опять мальчишки соседские лампочку выкрутили, видимо.

– Афиша – стремная. Как объявление – сойдет. Для афиши слишком много лишних слов, да и оформление нетипичное. Давай сходим! Дава-а-а-ай! – Лелька продолжала нудеть всю дорогу от дверей до пятого этажа, продолжив свой террор и в квартире.

В принципе, этот субботний вечер все равно обещал быть пустым и тоскливым, как самая глубокая питерская осень. Планов у меня не было, так что...

– Хорошо-хорошо, сходим. Узнаешь насчет дресс-кода, раз бал-маскарад обещают?

– Ага! Через час все расскажу, – подруга кивнула, выхватила из холодильника банку йогурта и с головой ушла «в сумрак», как она называла просторные сети интернета.

Спустя час Лелька усадила меня за ноутбук, показала на карте, где находится нужный нам театр, открыла электронную анкету для участников – оказалось, театралы вели строгий учет зрителей, – и ушла спать. Свою анкету она уже успела заполнить.

– Ксан, заполни нормально, ладно? Там какой-то модный контактный театр, все зрители вовлечены в постановку – костюмы и роли они готовят сами на основе ответов из этого опросника. Все, спокойной ночи.

Кто мог представить, что обычный поход в театр с подругой закончится ТАК?!

У вас есть мечта? Такая, ради которой ничего не жалко, и вы готовы на все что угодно, чтобы ее осуществить? Кроме криминала, разумеется. У меня такая мечта была. Точнее, их было целых три.

Я со школы мечтала уехать на ПМЖ в Питер. Первый визит с родственниками в этот чудо-город стал решающим в формировании цели моей жизни на ближайшее время. Этот город манил меня своей простотой, неторопливостью, монументальностью. Каким-то особым духом, что ли – как будто ты приезжаешь в гости к старому, но все еще дорогому другу. Вроде бы ты уже знаешь, где лежат кружки, тарелки, чистые полотенца, чем забит холодильник – но все еще по привычке спрашиваешь разрешения у хозяина. Я старалась приезжать в Питер хотя бы раз в год. Иногда получалось, иногда не очень. Я бывала здесь и с одноклассниками из всех школ, где успела поучиться, и с однокурсниками, и с друзьями из двора, и с друзьями по переписке, и даже одна. Знаете, прошло уже три года с момента, как я здесь живу, но сам Город мне все никак не надоест. В отличие от людей, его населяющих. Быдла здесь почти столько же, просто оно шифруется под хипстеров.

Первый мой концерт группы «Алиса», кстати, прошел в Питере. Да и «Агата Кристи» – мои кумиры, тоже впервые показались мне на сцене именно здесь. Город – родитель русского рока. Город – музей, где каждая улица полна воспоминаний прошедших эпох. Город красивых, гармоничных, неторопливых людей, как мне кажется до сих пор.

Осуществить свою первую мечту мне удалось только через год после выпуска из университета. Спустя два года радужная мечта пообтрепалась о питерские поребрики и парадные, выцвела под постоянными дождями и оставила в душе легкую такую тоску.

Работа мечты у меня тоже, впрочем, нашлась. Нотариусом я стать хотела давно – и доходно, и интересно (лично для меня). Правда, пока я являюсь девочкой на побегушках у пожилой начальницы нотариальной конторы, числюсь по трудовой старшим помощником. Тамара Файзыховна – тетка циничная, но справедливая – обещала постепенную сбычу мечт и на этом фронте. Так что гоняет она меня по всему городу без стеснения, но и с оплатой не тянет, полезными связями делится, тонкостям дела обучает. И курит, как незабвенная гусеница из Алисы в стране чудес. Такая вот у меня персональная карьерная фея-крестная.

Третья мечта – как и у всех барышень, независимо от степени засоренности мировоззрения. Тот самый мужчина... про это, пожалуй, сейчас не будем. Скажу только, что это единственная мечта, до воплощения которой мне как до Марса. Мой идеал и реальность не хотят пока пересекаться. Описать могу одной фразой «Она любила музыканта»... После последнего кандидата в Мужчины, белобрысого гитариста Костеньки, желания попробовать еще раз пропало.

К чему эти разглагольствования о тонких материях? Анкета, будь она не ладна. Последний вопрос заставил меня изрядно поломать голову, ибо требовал рассказать о самой заветной мечте.

– Оксан, ты долго еще? – встрепанная Лелька высунулась из комнаты, обозрела творческий бардак на столе и скрылась обратно, на ходу делясь советом. – Не заморачивайся ты так, не на прием к психиатру же идем. Напиши что-нибудь от балды и все! Ложись уже, вставать рано обеим.

Я подумала еще минут десять и решила последовать совету. Не на исповеди все же.

Утро четверга встретило нас мерзким морозящим дождем. Конец октября, чего еще ждать от погоды.

– Жили бы в Сочи – еще в море купались бы... – мечтательно протянула Лелька, орудуя водостойкой тушью у зеркала в прихожей. – Ксан, я сегодня у Маратика переночую, не теряй, ладно?

Маратик – это клубный фотограф, с которым встречается Лелька. Спокойный, в общем-то парень, если дело не касается фототехники и фотографий. В этом случае он превращается в настоящего фанатика – и не дай боги, вы скажете что-то против его любимого Никона, хрупкий романтичный Маратик впадает в неконтролируемую ярость и морально давит оппонента до упора. Выглядит это как старый мудрый Каа, гипнотизирующий бандерлогов – фотограф так же пристально, не мигая, смотрит в глаза смертника и тихим, вкрадчивым голосом объясняет, как тот был не прав. Закончилось его поражением такое столкновение лишь однажды. С Лелькой. Моя ехидна заявила ярящемуся парню, что марка фотоаппарата кривым рукам помочь не сможет, так что если талант есть у человека, ему будет плевать на фирму изготовителя. Вместе эти голубки уже седьмой месяц, работают в одном клубе. Маратик – фотографом, Лелька, она же Анеллия Святославовна – графическим дизайнером и оформителем.

– Спасибо, что предупредила. Тогда я в Теремке поем. – Лелька буркнула что-то одобрителное и выскочила за дверь. Я вздохнула – если Маратик уломает мою подружницу пере-ехать к нему, придется куковать в двухкомнатной квартире одной. А может, и вовсе лучше съезжать – что-то мне денег жалко за такое количество ненужного пространства. Конечно, до метро всего пять минут пешком, но... Подумать надо. Может, кого-то к себе подселю.

Я заварила себе на завтрак хлопья, подкрасила глаза (читай – замазала синяки), натянула брючный костюм темно-синего цвета с тонкой белок окантовкой, приталенное пальтишко, сапоги на невысоком каблуке (с другим по городу с поручениями не побегаешь), схватила сумку и зонт и направилась на работу.

Восемь часов неожиданной нервозности – пришел клиент составлять завещание, прихватив с собой родственничков. Само собой, обсуждать, кому и какие доли старик оставит, пришедшие решили прямо в кабинете. Тамара Файзыховна терпеливо дожидалась окончательного решения, покуривая электронную сигарету (чтобы не отрываться от работы и не смущать клиентов), я раз за разом вручала проблемному семейству чистую бумагу, калькулятор, штрих, скрепки... и так далее.

– Подумать только, один клиент занял весь день! – когда последний из наследников покинул кабинет, я с удовольствием скинула рабочие туфли-лодочки и растеклась по креслу.

– И не такое бывает в нашей практике, милочка. Могут еще и завтра зайти – вдруг старикан за ночь передумает? – нотариус усмехнулась и достала из ящика пачку ментоловых сигарет. – Ты, кстати, молодец, что выдержала. Предыдущий помощник умудрился надавать советов, а под конец и вовсе наорать на таких вот клиентов. За что и вылетел.

Я передернулась, представив последствия такого его необдуманного поступка. Клиент всегда прав, даже если он не прав – по крайней мере, пока не доходит до оформления документов.

– Оксана, тебе на пару еще не пора? – нотариус присмотрелась к часам на мониторе. – Уже 18.00.

– Ох, блин. Простите, я побежала!

Когда я только устроилась в эту контору, Тамара Файзыховна долго и пространно рассуждала о пользе многогранного образования. Спустя полгода, когда поняла, что намеки я понимаю плохо, она просто поставила меня перед фактом, что ее помощница должна ориентироваться в психологии, экономике, юриспруденции, делопроизводстве в целом и... иностранных языках.

– Вдруг клиенту нужно будет документы за границу приготовить?

С тех пор для меня начались дни бессрочного студенчества. Нотариус отправляла меня раз в полгода на курсы при Университете права, оплачивая половину стоимости – в качестве повышения квалификации.

– Милочка, не забывай, ты в России живешь. Здесь без бумажки – и далее по тексту. Зарубежом не лучше – чем пухлее твое портфолио, тем больше шансов получить работу. Так

что живо, собирайся и иди на пары. – Этот разговор повторялся уже не раз и не два, когда я вдруг вспоминала, что пары можно прогуливать, а материал доучивать дома.

Вот и сейчас я с сентября посещала курсы для менеджеров по кадрам – по словам нота-риуса, если у меня будет своя контора, я должна буду правильно подобрать себе команду с первого раза. Группа была разношерстная – туда входили и студентки, и выпускники, и бизнес-мены, и просто работники разных фирм.

«Не ждите чуда – чудите сами» – фраза дня была написана цветными мелками под окнами университетского корпуса. Дождь к этому времени превратился в настоящий ливень – холодный и липкий. Я быстро пробралась за свой стол, стянула пальто, затолкав его сушиться на батарею, вытащила тетрадь и выдохнула. До начала пары оставалось десять минут. Девчонки тут же скучковались рядом, чтобы поделиться последними сплетнями. Компания у нас подобралась дружная – все примерно одного возраста, одинокие офисные работницы и тусовщицы. Да-да, несмотря на любовь к рок-музыке, танцевать я тоже очень люблю.

– Ой, девочки, я такой сон видела... Аж просыпаться жалко было. Такой мужчина... Высокий, волосы темные, прядь только одна седая, а глаза зеленые-зеленые. Как... как кры-жовник! Никогда мне такого не встретить. – Галка растеклась по парте, обреченно свесив вниз унизанные кольцами наманикюренные пальчики. Нашу группу сегодня ждала очередная лек-ция по философии – самому обтекаемому и бессмысленному предмету для кадровика, на мой взгляд.

– Девушки, сегодня наша тема – транссерфинг или новые аспекты материальности мысли. – Преподавательница философии, пожилая, но весьма стильная дама, выплыла к доске, брезгливо поморщилась, отодвинув влажную меловую тряпку.

– Поговорим сегодня о вашей зоне комфорта – и ваших мечтах. Красивая тема, не правда ли, девочки?

Девочки оживились и дружно закивали. Одна Галка по-прежнему томно вздыхала, лежа на парте.

– Итак, мысль материальна – она несет в себе образ будущего, который вам нужен. От того, как именно вы проживаете эту мысль и чем вы ее наполняете, зависит и ваше будущее. Замечали ли вы, когда в приступе радости то, о чем вы вдруг подумали, происходит? Звонит телефон, заходит в гости друг...

Лекция закончилась практически незаметно. Под всеобщее оживление и ликование философия легкой походкой удалилась из аудитории, оставив старостам задание к семинару.

– Дааа... Вот так послушаешь ее – и в чудеса поверишь. – Рита, пухленькая девушка, повела плечами. – Хоть к гадалке не ходи.

– А почему не ходи? Сейчас очень даже модно к ним ходить. Да и советы они дают тол-ковые! – с задней парты откликнулась Лидочка, знаток всех модных веяний.

– Лидочка! Ну, о чем ты! 21 век на дворе, какие гадалки! мы же взрослые люди, нам работу искать, семью создавать, карьеру строить, в конце концов. А вы все как в каменном веке... – я раздраженно поморщилась, собирая тетради в сумку.

– А вот у Машки с 5 курса все сбылось. Как ей бабка наобещала – так и вышло – откуда-то сбоку внесла свои пять копеек в беседу Аня.

– Ну-ка, ну-ка. Что еще за бабка? Машка кому попало денег давать не будет, она та еще пронира! – Галка оторвалась от парты, глаза загорелись.

– А вот пойдем, сходим. Я даже адрес знаю, мы вместе ездили. – Юля, наша девочка-батарея, хитро улыбнулась. – Только нужно анкетку на сайте заполнить и талончик на прием распечатать. Ксана, пойдем с нами? Или ты совсем ни во что не веришь?

– Ксана, пожалуйста! Пойдем со мной, я одна боюсь! – Галка перевела на меня умоляющий взгляд. Я закатила глаза, покачала головой – и согласилась.

Через час мы уже сидели в интернет-кафе и регистрировали подругу на сайте. Наверху страницы мигал баннер:

«Служба волшебников. Исполняем Ваши желания. Быстро.»

– И вы в это верите? Это же развод! – я скептически наблюдала за восторженной подругой.

– Поехали. Проверим. – Юля убрала в хвост свои длинные волосы, накинула пальто. – Или ты боишься? Может, у тебя просто нет никаких желаний?

– Юля, перестань ее травить. Уже некрасиво. Поедем всем вместе – Галка наморщила носик, складывая в сумку свежееотпечатанный билет на визит в Службу волшебников.

– Здравствуйте. А вы, верно, Галина? ну проходите, проходите. – Дверь открыла женщина лет сорока пяти в длинном черном платье с красными бусами. – Присаживайтесь, сейчас Мария Ивановна к вам спустится. Вот чай, вот печенье.

Мария Ивановна, главная волшебница, если верить сайту, обитала в красивом двухэтажном домике на краю города. Вокруг дома виднелись под шапками сугробов уголки грядков. В углу потрескивал камин, на диване с клетчатым пледом развалился огромный черный кот.

– Чего ты, девонька, хочешь? Прочитала я твою заявку. Сейчас разберемся во всем. А вы, подружки, пока погуляйте. – Мария Ивановна оказалась милой седоволосой бабушкой с улыбающимися глазами.

– Правда? Во сне видела? А какого? Давай, опиши его. Да-да, во всех деталях.

Пока Галка что-то объясняла главной волшебнице, мы с Юлей бродили по дому. Кот настороженно бродил за нами.

– А что ты сама готова для этого сделать? Нет, так дело не пойдет. Вот тебе зеркальце. Посмотри. Хочешь так? Не хочешь, вижу. Давай тогда еще раз. Как ты хочешь? Где ты хочешь жить? А кем работать? А детей где растить? ну-ка, не плачь. Так. Иди, найди деревянный гребень, причешись, положи его под подушку. Вот тебе флакончик – каждое утро добавляй в чай по три капли живой воды. Встретишь ты своего принца в полночь через седмицу, а до встречи с ним не ешь ничего жирного, ничего вредного. Только живую пищу да чистую воду. И смотри не прогляди принца своего.

Голоса Галки и старой шарлатанши, как я ее окрестила, глухо раздавались из-за двери. Мы свернули и оказались в холле. У стен стояли стеллажи со всяческими сувенирами. Столовый фарфоровый сервиз, расписанный гжелью, мельхиоровые, слегка потертые ложечки, хрустальный шар на поролоновой подставке, запыленное зеркальце в кованой оправе, странно поблескивающий клубочек. Отдельно на полке лежало простое деревянное веретено, покрытое лаком. К нему сбоку была пришпилена бирка: «Веретено Судьбы. Произведено на Лысой горе. Для личного пользования»

– Пфф. Сувениры, что ли, бабка продает... – я недоверчиво смотрела на веретено, потянувшись к нему пальцем.

На стене вдруг мигнуло изображение огромного вышитого нитями ветвистого дерева со светящимися ветками. Узор из нитей и листочков складывался сам по себе, постепенно изменяясь. Дерево росло на глазах.

– Брр. Что за черт? Голограмма какая-то? – развели, блин, нанотехнологии. Я отступила назад, отдернув руку от веретена.

Вдруг одна из веток на картинке поползла вниз и засохла.

– Эх, незадача. Значит, не очень тебе и хотелось жить в этом городе, Ксана. На пару лет тут осядешь – а потом улетишь дальше.

Сзади нас в домашнем халате и тапочках стояла преподавательница по философии. Я вытаращила глаза, пискнула и сползла в кресло.

– Вы пройдите в кабинет, Оксана Юрьевна. Моя помощница вам погадает, а я пока с внучкой пообщаюсь, правда, Юленька?

Пришлось идти, куда деваться...

– Бабуль, ну и зачем это все? Перья, ветки, кости, следы какие-то, прочая ерунда эзотерическая? Зачем ты людям голову морочишь? – Юлька сидела на диванчике и гладила кота. На журнальном столике примостился чайник с душистым травяным отваром и тарелочка с тульскими пряниками. Голос Ксаны слышался из-за двери – с ней беседовала Марья Ивановна, помощница Василисы Петровны (для студентов) – или Бабули (для домашних). Сама Василиса Петровна в теплом халате сидела в кресле-качалке, укрыв ноги пледом, и крутила в руках сверкающий клубочек. Тот на радостях попискивал и подпрыгивал.

– Ну а куда деваться, коли сами не понимают и не верят, внученька? Странные они, твои люди. Столько чудес могут сотворить одним только котелком своим, только бы подумали хоть немного – ан нет, все им волшебство и таинства подавай. Не хотят сами чудеса творить – пусть хоть так на путь свой встают.

– А зачем ты Галку отправила можжевельный гребень искать? Она же сроду такого дерева не видела, где она его найдет-то? – Юля спихнула с колен кота и потянулась к веретену. На стене опять появилось светящееся дерево. По веткам скользили разноцветные пронумерованные огоньки, то замирая, то сворачивая или вовсе перепрыгивая на другие ветки. Что-то отмирало и исчезало, что-то внезапно появлялось и расцветало буйным цветом на этом изображении. Где-то среди этих огоньков мерцала и ее собственная жизнь, подумала девушка.

– А затем, Юлечка. Помаются, поищут, леса-поля-супермаркеты все вдоль и поперек исходят – авось и дойдут своей головой, коли на полпути не остановятся. Сама посуди, если человек принесет то, чего сам бы никогда в жизни искать не стал, да и не нашел бы просто так – разве не заслуживает он своего чуда? Хотя бы за смелость и упорство. – Бабушка флегматично продолжала пить чай. – Веретено не урони, сама на Лысую гору за вторым полетишь.

– Получается, важнее само путешествие, чем место назначения? Так?

Бабуля хитро усмехнулась внучке, прищурилась, глядя в окно на лунную дорожку перед домом.

– Именно так, внученька. Только в дороге мы свою судьбу находим. Как огоньки на дереве. Ты прими гостью утром, внученька. Чаем напои, дальше к Марье Ивановне отправишь. А то я на лекцию в университет опоздаю. Вдруг кто без чудес понять все сможет, своей головой?

Глава 2. Трагическая любовь...

*Эта любовь не дожидаясь утра...
и до зимы она не дожидаясь...
и намотав немалый километраж,
она ушла искать – другой рай...
«Другой рай», Та сторона*

Светка в очередной раз поправила челку, шмыгнула носом и глянула трагичным заплаканным взглядом обиженной всеми женщины в зеркало. Зеркало не прониклось. Наверное, потому что женщине не так давно стукнуло 16 лет, а обиды случались почти каждый день.

– Ну и по какому поводу слезы сегодня? – тетя Лена стояла, привалившись к двери, и рассматривала свое чадо. Чадо набрало побольше воздуха и с надрывом заголосило:

– Мне незачем больше жи-и-и-ить! Он меня бросил! Променил на Лизку из 10 «б»! И на дискотеке с ней весь вечер танцева-а-а-ал...

Тетя Лена, мамина младшая сестра, перебралась в Питер вслед за мужем еще до моего рождения. Именно у нее мы останавливались, когда первый раз приехали в северную столицу. Потому, когда уже я собралась переезжать в город мечты, мама вытребовала у тетки обещание раз в месяц видаться с «непутевым чадом» и докладывать обо всех изменениях. Конец октября порадовал меня очередным приглашением в гости к этой сумасшедшей семейке. Так что в пятницу после работы пришлось забить на пару и пойти к родственникам.

– Теть Лен, давно она так воеет? – я разглядывала голосащее недоразумение и все никак не могла поверить, что оно – моя двоюродная сестра. Да я так себя не вела никогда! Что за показуха-то? Наверняка от матери чего-то добывается, интриганка малолетняя.

Мамина сестра обреченно вздохнула. По ее словам получалось, что несчастная любовь с чадом случалась раз в полгода. И каждый раз заканчивалась слезами и уверениями, что жизнь нам не нужна без светлых очей Его. Дядя в ответ на истерики грозился найти паршивца и принести любимой дочке запрошенный элемент мужеского тела. Глаза, то бишь. Дочка обижалась на черствых и ничего не понимающих взрослых, тащила со стола кусок торта побольше и запиралась в комнате с очередным романом. Что самое обидное, классическим романом. «Войну и мир» чадо прочитало и записалось в кружок французского и секцию бальных танцев. Сейчас на очереди была «Анна Каренина».

– Оксана, может, поговоришь с ней, а? Вы же одного поколения, найдете общий язык? Сил моих на нее больше нет. – Тетка развела руками и уселась рядом на диван. Дядя привычно принес с кухни флакончик валерьянки, добавил жене в чай.

– Хорошо, попробую. Но результат не гарантирую!

Вдруг еще хуже станет, подумала про себя. Или вообще в нефоры уйдет? Переходный возраст у нас, бои гормонов. Я постучалась к сестре. Подождала минуту и вошла.

– Может, тебе будет интересно узнать про реальный трагический роман? А не книжный. Могу рассказать.

Светка задумалась.

– Интересно. А чей?

– Подругу мою, Ирку, помнишь? Мы с ней как-то приезжали?

– Конечно, помню. Но она ж никакая, откуда у нее могла трагическая любовь-то случиться? – дитяtko презрительно фыркнуло, оглянувшись на себя в зеркало. Вот, блин, вырастили нарцисса в юбке.

– Я тебе расскажу, а ты уж сама решишь. И вообще внешность не всегда имеет значение. Уж поверь. – Тем более что делиться своими переживаниями по поводу всех романов Ирка приходила к нам с Лелькой. И даже парней показывала.

Ребенок приподнял бровь и глянул на меня недоверчиво. Ну да, Ира – невысокая, веснушчатая, волосы русые ниже плеч, вечно собраны в хвост, любимая одежда – джинсы и вариации на тему футболок и рубашек. Она когда-то занималась легкой атлетикой и спокойно могла вскопать весь бабушкин огород – в качестве разминки, как она говорила. Куда уж тут до рафинированных героинь Светкиных романов. А как же пышные платья, аристократическая бледность, хрупкость и беспомощность? Будем ломать шаблоны. Антишаблонная неделя какая-то выдалась.

– Ну, расскажи. – Светка почесала нос и уселась поудобнее. Я улыбнулась, залезла в планшет, нашла старый фотоальбом, еще времен универа. На фото Ирка в белоснежном платье и диадеме танцевала с симпатичным блондином в костюме принца. Из-под длинных волос выглядывало остроконечное ушко.

– Ксан... Он что, эльф?

– Ага. Это бал-маскарад в Питере. Ну, давай, слушай историю от реального свидетеля всей этой эпопеи.

Ей было 16, когда они познакомились. Симпатичный блондин с серыми глазами вызвался проводить её до гостиницы. Она впервые приехала в Питер одна и никак не могла разобраться, как ехать дальше. Вечером он зашел за ней и предложил погулять по осеннему парку. До конференции все равно был еще один день в запасе.

Они разговаривали и гуляли допоздна. И на следующий день. И каждый день после окончания секций конференции. Так прошла неделя. На вокзале он вручил ей букет белых лилий и смущенно поцеловал в раскрытую ладонь. Ему было 15.

Они продолжали общаться. Писали друг другу письма – и обычной почтой, и электронной. Она обещала скоро снова приехать в северную столицу и встретиться – он был крайне мил, начитан. С ним было интересно, спокойно и тепло. А на новогоднем вечере она в пух и прах разругалась с одним гостем. Это был маскарад, все носились в масках, большая часть девушек вырядилась в пышные платья с розами и бантами. А она была в костюме лучника. Ей так было интереснее. Да и удобнее. А этот... этот гость попытался посмеяться над ней. К слову, это был знакомый её друга с факультета. Закончилась его попытка банальной пощечиной и не очень цензурной лексикой. Физрук, бывший на празднике за старшего, оставил их после маскарада прибирать зал. Чтобы не повадно было праздники людям портить. Они и остались. Сперва молчали. Потом еще позадирали друг друга. А потом он просто признался, что она слишком отличалась от других, и он не знал, как с ней познакомиться. Вот и... ошибся, в общем-то.

Он дарил ей темно-красные розы и горький шоколад. Учил стрелять из лука. Познакомил с друзьями – те оказались командой заядлых ролевиков, ездили по всей стране с выступлениями и своими сценариями игр. Они слушали музыку, ходили на концерты, в кино, походы, пили крепкий кофе. Они понимали друг друга с полуслова. А в начале осени он признался ей в любви. Им обоим было по 17 лет. Это было красиво – пикник на крыше самого высокого

здания в городе, под звездами. Она была счастлива. И рассказывала обо всем другу-блондину. Он был за нее рад.

А в ноябре её снова отправили в Питер. И друг снова встречал её на вокзале. С билетами на бал-маскарад. Костюмы им обоим нашлись в закромах университетской театральной студии – там тоже были знакомые. Они танцевали весь вечер. Он не отходил ни на шаг и не уступал её никому. Даже на дуэли за неё дрался. Шуточной, конечно. Но все равно приятно. А по дороге домой остановился, притянул к себе и поцеловал. По-взрослому. И сказал, что никому не готов её отдать. Жаль, только решился сказать об этом слишком поздно. Она была удивлена. Но это было приятно слышать.

Так прошло два долгих года. Они общались. Она даже познакомила блондина и брюнета друг с другом. Думала, подружатся. Не вышло. Она ссорилась с брюнетом – иногда. Были жуткие скандалы, разбитая посуда. Они разъезжались, потом снова мирились. О, это была любовь... Та самая, что страстная и до гроба. Друг был всегда на её стороне. Всегда рядом. Пусть и в другом городе. Он больше не говорил о любви. Просто молча ждал. Они иногда встречались, когда она приезжала в Москву или Питер. Гуляли, ходили в кино. Он знал все, что она любит и не любит. Она познакомилась с его семьей. Несколько раз останавливалась у него с молчаливого согласия родителей. А однажды, пока они играли в карты с его товарищами, узнала, что любимый сейчас с другой. И не скучает ни капли. Друг просидел с ней до утра.

Она поняла, что любит его, когда вернулась обратно. В пустую квартиру. Позвонила, предложила приехать. Он примчался на следующий день. Они провели вместе совершенно сумасшедшую и счастливую неделю. И снова полетели письма, звонки, букеты лилий. Так прошел еще год, от встречи к встрече. А потом брюнет нашелся с утра у нее под дверью с букетом роз и извинениями. Бес попутал. Приворожила. Все осознал и вернулся. Любит, жить без нее не может. И вообще готов ждать и все начать с начала... Через три месяца она оттаяла. Но выбрать между двумя так и не смогла. Оба были дороги и любимы, только по-разному. Друг все понял сам. И пропал на полгода. Она осталась с брюнетом. Друг в это время сходил с ума от ревности, начал пить, перебрал кучу девчонок. Не выдержал. Позвонил. Поздравил с днем рождения. И вдруг понял, что хочет её увидеть. Приехал. Попросил поговорить. И предложил выйти за него замуж. Ему только исполнилось 19. А брюнет в это время снова умудрился ей изменить. Но она была слишком терпелива. И ей не хотелось больше ничего менять. И никого терять. И не хотелось никому делать больно. Он уехал один. Снова стал другом. Обещал ей на вокзале, что будет читать сказки её детям. Кажется, она плакала. Но образумившийся и вернувшийся к ней брюнет об этом никогда так и не узнал.

Светка пораженно выдохнула.

– Вот это любовь... Почти как в книжке... А блондин? Как же он теперь?

Я отвернулась от окна, встряхнула головой, вспоминая того блондина, и улыбнулась.

– А никак. Игорь женился на прекрасной девушке. Оба счастливы. И оба девчонкам Иркиным рассказывают сказки, когда приезжают. А с тем брюнетом она порвала.

– Но... как так?! Как порвала? А как же роковая любовь?

Я фыркнула.

– Роковая любовь, милая, только в книжках живет долго. А в жизни это просто детские глупости. Ирка с Игорем до сих пор над этой глупостью смеются иногда. Это ж надо было так придумать, столько лет голову друг другу дурить. А потом повзрослели. Все трое и почти

разом. Так что Ира в какой-то момент встретила своего человека, бросила брюнета и через три месяца вышла замуж. Сейчас у них с Сергеем девчонки-двойняшки подрастают. С любимым человеком хочется создать семью, растить детей и вместе встретить старость. А не сходить с ума от ревности, страдать от непреодолимых обстоятельств и проверять друг друга на глубину чувств. Не веришь – спроси дядю, уж он-то точно это знает. У него этих роковых любовей было, как мне мама рассказывала...

– Ну-ка не выдавай тут секреты партии! Пошли лучше чай пить, пока Светка весь торт на свои любви не угробила. – Дядя нахмурил брови и тут же улыбнулся. – И, кстати, прекрасные девы в книгах от несчастной любви голодают, а не торты с конфетами лопают.

Остаток вечера прошел на редкость спокойно, после чего мне нагрузили целый мешок вкусностей и отправили на такси домой. Тетка, кстати, через неделю отзвонилась, благодарила. Говорит, что Светка уgomонилась и учебой занялась. А моя память, растревоженная этой историей, все никак не могла заснуть. Лелька до конца недели умотала к Маратику, так что я валялась на диване на кухне и лениво чиркала очередной стишок.

Вчерашний вечер у философнии-гадалки завершился очень и очень странно. Марья Ивановна помахала надо мной руками, поохала, заставила выпить жутко горький чай и вручила монохромную фенечку с деревянной бусиной.

– Оксана, у тебя много завистников. Я тебе, конечно, ауру сейчас почищу, но дальше будь осторожнее. Браслет носи, не снимая. Когда в нем нужда отпадет, он сам порвется. Так, и чай – я тебе сейчас пакетик приготовлю, раз в сутки по одной кружке выпивай. Лучше перед сном. – Взгляд у женщины был встревоженный. Чего это она?

– Ну, завистники у всех есть, наверное. – Я попыталась усмехнуться. Усмешка вышла кривой-косой и неубедительной. Марья Ивановна покачала головой.

– Скоро мечта твоя заветная сбудется, Оксана. Только путь к ней уж очень тернист. Но ты не сдавайся, верь в себя – и все пройдешь. И держись подальше от белой обезьяны.

– Что? какой еще белой обезьяны? – наговорила всякой ерунды психологической! Вот Юлька удружила, а! Ладно, раз бесплатно – пусть говорит, что хочет.

– Белая обезьяна попробует достать тебя во сне. Не подпускай ее близко! И не снимай браслет на ночь ни за что! – женщина погрозила мне пальцем, выудила из шкафчика под столом матерчатый льняной мешочек с травами и отвела меня к подругам. Юлька покосилась на браслет и шепотом посоветовала не снимать – смотрится стильно, а стоит три тысячи. Раз мне его вручили за так – значит, была причина, важно заявила Юлишна, проводив нас до порога. Выяснилось, что экстрасенсорша-гадалка – её бабушка, так что девушка решила остаться сегодня у нее. Впечатленная визитом Галя уехала на такси, а я побрела домой одна.

Заветная мечта... Я долго думала, что написать в той анкете для театра. В конце концов, написала, что хочу найти свое счастье. Правда, я до сих пор не знаю, какое оно, мое счастье. Кто там, что там вокруг меня? Ни малейшего представления. С этими мыслями я вчера и уснула. Сегодня же пришлось вспоминать о роковой любви, сперва чужой, потом и своя собственная на ум пришла. Хорошо, что Светка не знает, что у меня тоже есть своя сердечная драма.

– И не узнает, малявка любопытная. – Шепнула я в потолок. Думать о прошлом не хотелось, так что я выпила противный, но жутко полезный чай и почти сразу провалилась в сон.

Глава 3. Весь мир – театр

*Лица стерты, краски тусклы —
То ли люди, то ли куклы,
Взгляд похож на взгляд,
А день – на день.
И я устал и, отдыхая,
В балаган вас приглашаю,
Где куклы так похожи на людей.*
«Марионетки», Машина времени

Заслуженный выходной, когда можно спать до обеда и творить все, что вздумается, махнул на прощание хвостом и испарился. Все потому, что кто-то забыл выключить звук на телефоне. И зубодробительную мелодию вызова до сих пор не сменил.

– Доброе утро, Оксана Юрьевна.

– Утро. – Прохрипела я в трубку спросонья, глянула на часы и выругалась в подушку. Девять утра.

– Я разбудил вас? Простите, пожалуйста. – Голос «будильника» приобрел виноватые нотки. Кстати, приятный такой мужской голос, раскатистый.

– Говорите, что вы хотели.

– Я хотел напомнить вам, что спектакль «Бал-маскарад» состоится сегодня в клубе Муар. Мы будем ждать вас к восьми часам вечера.

– Спасибо. Я буду. Что-то нужно с собой брать?

– Нет, все необходимое вам предоставят.

– Хорошо.

– До встречи, Оксана Юрьевна.

– Ага. До свидания.

Вежливые какие сейчас актеры. Сами зрителей обзванивают, напоминают о спектаклях. Сервис. Я потянулась, вырубил звук у мобильного и нырнула обратно в сон.

Впрочем, выспаться мне в эту субботу было не суждено. Через полчаса в квартиру ворвался ураган под кодовым названием Лелька. Подруженица летала с кухни в свою спальню и обратно на третьей космической скорости, брэнча очередной массой металлолома, который она называла украшениями.

– Ксана!! Подъем! Давай-давай, собирайся! Нам сейчас нужно упаковать мои вещи, потом сводить тебя в салон, потом захватить Маратика и в клуб! Мне сказали, что лучше подъехать за двадцать минут до начала спектакля.

– Лель, от Петроградской до площади Ленина ехать максимум полчаса. Времени навалом, дай поспать? – я уткнулась обратно в подушку, пролежала еще секунды три, после чего подскочила, внезапно осознав ее слова. – погоди, куда вещи упаковать? Ты...

– Да, мы все решили, я переезжаю к Маратику. Правда, здорово? – подруга так и подскакивала на месте от распирающей ее радости и энергии. В своем репертуаре – она ни на миг не задумалась о последствиях такого своего решения для меня.

Несмотря на всю свою доброжелательность, легкую наивность и оптимистичность, Лелька обладала одним громадным, с моей точки зрения, недостатком. Эгоцентричность называется. Еще не эгоизм, но уже где-то рядом. Ее никогда не волнует, как влияют ее поступки на других. Мнение окружающих о ней и ее работе, ее личное мнение о том, что происходит, ее ощущения и ее выгода – вот что дорогая Анеллия ставила для себя в приоритет. Сначала я обижалась, когда на заре нашего знакомства в универе эта милая девушка с огромными серыми

глазами и чуть пухлыми щечками, похожая на белочку, вдруг отказывалась от совместных, давно запланированных поездок и меняла их на походы в клубы или альпклуб. На мои претензии она округляла свои потрясающие глазки и искренне дулась, считая, что я не ценю ее заботу о нашем общем благополучии и правильном, с ее точки зрения, досуге. Привыкла к ее выходкам я где-то через полгода, когда поняла, что обижаться и перевоспитывать эту милую и добрую, в общем-то, девушку бесполезно. Вот и сейчас произошло то же самое.

– Здорово, Лель. Кстати, прикольная прическа. – На голове подруги змеились во все стороны солнечно-рыжие дреды по плечо с вплетенными металлическими бусинами.

– Правда? Тебе нравится? Я вчера всю ночь с парикмахершей просидела, пока она их катала. А еще пришлось полгорода обежать, пока каниколон нужного цвета нашла, ты не представляешь...

Лелька продолжала болтать, мячиком прыгая по квартире и стаскивая с полок и верхушек шкафов свои вещи. Картонные коробки разных размеров толпились в коридоре – их она успела притащить, пока я спала. Пожав плечами, я присоединилась к сборам. Спорить-то бесполезно.

Итогом сборов стали шесть коробок, доверху заполненных шмотками разной степени ношенности и креативности, две объемистые сумки фото-техники (увлечение фотографией они с некоторых пор делили с Маратиком на двоих), коробка с белоснежным сервизом, который мы ни разу не доставали (приданое, как пояснила мне Лелька – семья у нее уж очень старомодная, наверное, потому она от них и слиняла в Питер.) Ну и рюкзак с мыльно-рыльными принадлежностями.

– Все, вещи собрали. Да, да, приезжай. Конечно, Ксанка поможет, она же моя подруга! Да, боже мой, ну, разумеется, ей удобно, какие планы, о чем ты? План у нас общий и только на вечер! Приезжай!

Так я узнала, что планов на субботний день у меня нет. Потому в районе двух часов дня мы загрузили Лелькино барахло в машину к Марату и выдвинулись к уютному гнездышку влюбленных. Они обосновались на станции Черная речка, так что:

– Вот и все! Ксан, ты забегай к нам, недалеко же, мы почти соседи! – Лелька просто лучилась от счастья, оглядывая идеально прибранную квартиру-студию. На разбор вещей ушло еще три часа. Марат только улыбнулся, согласно кивнул, подтверждая приглашение приходить почаще и скрылся за импровизированной занавесью из частого ряда нитей с блескучими бусинами разного размера и цвета. Через пять минут из-за занавеси донесся запах свежесваренного кофе и корицы.

– Девочки, прошу к столу. Кормить не буду, не то в платья не влезете на своем балу! – парень широко улыбался, глядя, как мы споро накупились на коричные булочки. Еще бы, позавтракать, равно как и пообедать, дорогая подружница мне так и не дала. Если честно, я и сама об этом позабыла со всеми хлопотами переезда.

– Спасибо, зайчик! Ну, теперь мы готовы! Осталось найти фею-крестную, привести Ксанку в порядок и захомутать ей принца! – Лелька хихикнула, качаясь на табурете и помахивая надкусанной булочкой. – Вызовешь нам такси?

– Лель, на метро быстрее будет. Вечер же, пробки. – Подруга только отмахнулась от меня, диктуя Марату номер службы такси.

Ответа диспетчера мы дожидались минут сорок, после чего дружно решили, что оно того не стоит и все-таки поехали на метро в сторону клуба. Еще полчаса ушло на то, что найти вход в сам клуб – очень уж мудреное здание попало. В итоге до дверей, за которыми пиликала скрипка, мы добрались тик в тик к назначенному времени.

– Ну вот, даже накрасить тебя не успели, как мы тебе принца-то искать будем? – Лелька недовольно поджала нижнюю губу, разглядывая небольшую очередь у входа. Миниатюрная хрупкая девушка стояла на ветру в тяжелом платье с корсетом, открытые плечи были укутаны

темно-серой кружевной шалью. Волосы, кудрявые, рыжие, подрагивали на ветру, открывая изящное остроконечное ушко.

– Эльфийка, что ли? Во дают! Ролевые игры прямо, а не театр, – взбудораженно шепнула мне на ухо подруга, приплясывая от холода. 31 октября, вечер, вокруг нас тончайшей пылью вьется первый осенний снег, по ногам хлещет холодным, влажным питерским ветром. Минус пять градусов – и мы в летних тонких джинсах и безрукавках. Понять не могу, как я вообще согласилась это надеть?!

– Оксана Карская, Анеллия Волкова. – Я назвала наши имена, постукивая зубами от холода. Девушка неторопливо провела пальцем по списку приглашенных, нашла нас в самом конце, поставила две галочки и пропустила внутрь.

Мы оказались в полутемном фойе клуба, в толчее таких же продрогших, посиневших от холода людей. Сдали жилеты-безрукавки в гардероб (бабулька посчитала их верхней одеждой, спорить нам не хотелось), тут же погрузили обувь в предложенные мешки, получили смешные текстильные тапки синего цвета и пошлепали на свет.

Клуб Муар похож изнутри на квартиру – планировка привычная глазу, зато размеры комнат, высота потолков и отделка как будто для великанов. Так, здесь было четыре комнаты – огромный зал и три чиллаута. В общем коридоре, куда выводили двери всех комнат, устроился бармен со своей стойкой и коллекцией напитков. Толпа пришедших совершенно свободно разместилась в этом пространстве, оглядываясь по сторонам.

Декорации поражали. Повсюду благоухали гирлянды цветов – от роз всех оттенков до простейших ромашек. Они закрывали все потолки, свисали лианами в дверных проемах вместо занавесей, расплзались причудливым узором по стенам. Кое-где в цветочную вязь вплетались фонари из разноцветного стекла на кованых ножках разной высоты. Пол в бальном зале был начищен до блеска и с нашего места больше походил на настоящий паркет, декоративные колонны обрамляли стены, образуя ниши и потайные уголки, скрытые от чужих взглядов цветочными зарослями. На небольшом возвышении устроился небольшой оркестр в черных фраках и масках на все лицо.

Вторая комната, назову ее зеленой, была в два раза меньше. Здесь потолок и стены были покрыты золотистой крупноячеистой сеткой с пришпиленными на нее цветками белых лилий и стеблями какой-то болотной травы, похожей на гибрид кувшинки и осоки. Посреди комнаты оказался небольшой пруд, обрамленный крупными камнями, вокруг которого в произвольном порядке были разбросаны расшитые гладью подушечки с этническим узором. В воде плескались золотые рыбки. Пол покрывал искусственный газон. Впрочем, как оказалось чуть позже, трава была настоящей. Входить в этот зал-сад можно было только босиком.

Третья комната стала... кухней. Нет, серьезно! Самой настоящей кухней! Три газовые плиты с вытяжками вдоль одной стены, посудомоечные машины, блендеры, комбайны и прочая кухонная техника, столовые приборы с другой стороны. Посередине комнаты – длинный широкий стол из отшлифованного мрамора. На двери – с десяток фартуков разного дизайна.

Четвертый зал был закрыт. Дверь оплетали какие-то вьющиеся растения.

– Ксан... Мне это кажется или они кухню сделали доступной для посещений? Да и вообще все... Это же столько денег угрохать... – Лелька неверяще протерла глаза, разглядывая комнаты. Остальные горе-зрители пребывали в таком же шоковом состоянии. Сдвинуться с места никто так и не рискнул, пока из четвертой двери не выскочила та же девица, что была на входе.

– Уважаемые гости! Театр Les Marionettes рад приветствовать вас на своем первом спектакле в этом году! Прошу вас, не стесняйтесь, проходите в сад! Нам потребуется еще примерно полчаса, чтобы загримировать вас в соответствии с ролями. – На этом моменте дверь таинственной комнаты скрипнула, выпустив с десяток молодых людей в белых костюмах и, опять же, масках на все лицо. Они споро рассредоточились по залу, ухватили каждый по семь-

восемь человек и разошлись по разным углам. Мы с Лелькой попали в руки к молоденькой девчонке с золотистыми кудряшками, которая утащила нас в тенистый угол сада.

– Анеллия Святославовна, присаживайтесь, закрывайте глаза. – Девушка разложила на траве походный набор визажиста-парикмахера и принялась за дело. Легкий макияж, подчеркивающий цвет глаз, какая-то сверкающая пудра на все тело, махинации с волосами – и вот Лелька превращается в хищную, опасную Медузу Горгону.

– Вам в примерочную, постучите по двери вот так. – Девушка отстучала простенький ритм и отправила Лельку в четвертую комнату. – Теперь с вами, Оксана Юрьевна. – Она призадумалась, достала блокнотик, нашла запись, судя по всему, относящуюся ко мне. – Ладно, давайте гримироваться.

Во что меня превратили, я так и не поняла. Девушка потратила на мое преображение от силы минут пять, после чего выставила из сада, отправив по тому же адресу, что и подругу.

– У них тут что, пятое измерение?! – Примерочная поражала своими размерами. Длинный широкий коридор, с обеих сторон заставленный вешалками с костюмами всех эпох и народов, уходил куда-то за угол и, подозреваю, петлял еще не одну сотню метров. Из-за ближайшей вешалки послышался шорох, на свет выбрался высокий, субтильный мальчик с каштановыми волосами по плечо. Одет он был в широкие брюки, кожаный жилет и белую рубашку с воротом под горло.

– Оксана? Пойдемте, костюм уже готов. – Он схватил меня за руку и практически побежал через ровные ряды вешалок.

– Куда мы несемся?!

– В примерочную! Вас уже ждут давно!

Примерочной оказалась глубокая ниша в стене с зеркалом до пола, мягким ковром и невысокой тумбой посередине.

– Ну, наконец-то! – всплеснул руками дядечка-колобок, выкатившийся откуда-то из тени. – Рик, тебя как за смертью посылать!

Парень хохотнул, подтолкнул меня к колобку и скрылся.

– Вот непоседа. Сударыня, раздевайтесь, поднимайтесь на тумбу спиной к зеркалу. Будем подбирать платье. – Мужчина закатал рукава, окинул меня оценивающим взглядом и скрылся в джунглях одежды.

Платье подгоняли и подшивали прямо на мне. Длинное, из черного шифона и шелка. Оно ложилось по фигуре как перчатка, расходясь клиньями от бедер.

– Вы не знаете, кем я буду?

– От чего же, сударыня. Ведьма вы. Так, втяните живот, ага, отлично. Все, можете смотреться!

Я повернулась к зеркалу и застыла. Темные волосы с золотыми прядями мягкими завитками спускаются на плечи. Кожа золотистая, мерцающая, глаза кажутся огромными, прозрачно-зелеными колодцами на фоне черной полосы, проходящей поперек лица и шириной от бровей до середины носа. Губы цвета корицы, платье с кокетливой шнуровкой спереди, черное шифоновое облако, как будто дым, скрывает ноги от бедер до ступней.

– А... туфли у меня будут? – я проглотила всех охи и ахи и посмотрела на моего фея-крестного. Тот задумчиво пожевал губу, кивнул и вытащил из кучи коробок (и когда они здесь очутились?!). Изящные босоножки на плоской подошве, крепящиеся на манер греческих сандалий. Я про себя посомневалась такому выбору, но послушно подставила ноги. Золушка, блин.

– Готовы? – Рик выскочил из-за вешалок, огляделся по сторонам, после чего подскочил ко мне, заставил пригнуться.

– Ваша роль, сударыня. – Парень вложил мне в руку листочек бумаги. – Читаете, запоминаете, после чего складываете в несколько раз, засовываете в кулон и вешаете на шею. –

В руку опустился кулон, похожий на ладанку, на витом посеребренном шнуре. – У вас пять минут, потом я должен отвести всех гостей в зал.

Я послушно прочитала. Обалдела. Прочитала еще раз, недоуменно посмотрела на паренька. Тот широко улыбнулся и пожал плечами.

– Все вопросы к мастеру, сударыня. Готовы? Правила просты. Вживаетесь в роль и не выходите из нее до конца спектакля. Показывать роль никому нельзя. Раскрывать другим свои задачи нежелательно. Спектакль длится три часа, за это время вам нужно постараться выполнить все задачи. В полночь подведение итогов. Готовы? Тогда бежим, уже опаздываем!

Я едва успела повесить ладанку с ролью на шею и понеслась следом за своим проводником. Что-то мне подсказывает, что этот Хэллоуин я вряд ли забуду.

Зеркало в покинутой примерочной вдруг щелкнуло и открылось, как дверь. Аннушка, режиссер театра марионеток, присела на тумбу, задумчиво глядя на костюмера.

– Дядька Ефим, почему ее вы решили сами одеть?

– Типаж, Аннушка, типаж. Скажи директору, пусть присмотрится. Может, изменит решение?

Аннушка поправила синюю прядь, выбившуюся из прически, достала из-за пазухи стопку скрепленных листов, скрученных трубкой, пролистала.

– А привел ее... Рик, конечно же. И привел не конкретную девушку, а ту, какая ему больше приглянулась. Хитрите ведь, Ефим Иванович. – Аннушка укоризненно взглянула на костюмера. Тот хмыкнул, ласково потрепал девушку по голове.

– Кого еще, кроме него, я мог за Смертью послать, скажи, Аннушка?

Режиссер только грустно улыбнулась, снова уткнувшись в сценарий.

Глава 4. Ведьмин бал

*Мне ль судьбе покориться?
Мне ль закахнуть в тоске?
Приворотное зелье
Я варю в котелке!*
«Приворотное зелье», Мельница

Раз в году, в самую темную-темную ночь, все духи – добрые и злые – собираются на Лысой горе. Ведьмы пляшут, бесы жгут костры, огненные саламандры потягивают нектар из крови златоперых фениксов, домовые вершат свой суд над нерадивыми учениками, оборотни выбирают вожака стаи, князья тьмы пьют в обнимку с князьями света. Все, кто не от мира человеческого, веселятся и пируют в эту ночь. Все, кроме златовласой Ларены, княжны светлых духов.

– Что с тобой, сестрица? Обидел тебя кто? – Леля, Весна юная, присела рядом на камень озерный, еще теплый, солнцем налитый.

– Любовь меня обидела, Леля. Любовь. – Всклипнула княжна, отвернувшись, лицо в ладонях спрятала.

– Ну же, сестрица, открой мне, как тебе помочь? Неправильно это, на празднике слезы лить!

– Ах, Леля...

Рассказала Ларена, что ее печалит. Сговорили ее родители за Лихара, сына рысего племени, великого воина, убийцу нежити. Всем хорош Лихар – и статью, и силой, и сердцем светел. Только княжна ему не по душе оказалась. Увидел он ее лишь раз, да и отказался от свадьбы. Сказал, что светлая княжна светла и сердцем должна быть. Не объяснил ничего больше и ушел.

– Любишь ли ты его, Ларена? – опустила на колени перед сестрой Весна, обняла за плечи.

– Люблю, сестрица.

– Тогда помогу тебе. – Улыбнулась Весна, подняла сестру на ноги. – Видишь столы стоят, темнотой укрытые? Сидит там Марена, дочь Темного князя. Ведьма она, что наколдует – то не в жисть не разбить. Подойди к ней, попроси зелья приворотного. Поможет, не откажет. Скажешь, что от Весны долг взыскать пришла.

Обрадовалась княжна, подобрала полы платья праздничного, понеслась во весь дух к столам темным.

– Где Марена, княжна Темная? Отвечайте, ироды, где она прячется? – молчат духи темные, отворачиваются от Ларены. Друг за другом стол покидают.

– Зачем тебе дитя темноты, светлая княжна? – одна лишь фигура за столом осталась, плащом укрытая.

– Не твое дело, исчадье зла. Только Марене открыть могу.

– Невежлива ты, дитя света. Не уважаешь других. Говори, что хотела. Я Марена. – Скинула фигура плащ с плеч, блеснули глаза зеленою болот лесных, тьмой ночной, звездами освещенной, волосы плечи точеные укрыли.

– Зелье мне нужно приворотное. Весна сказала, должок у тебя перед ней. Мне и отдашь его.

Помолчала Марена, княжну разглядывая.

– Зелье приворотное – выдумка человеческая. Нельзя сердце чужое силой к себе привязать. Коли есть в его сердце к тебе хоть капелька тепла, поможет зелье ей вырасти в яркое пламя. Если же нет в нем ничего – не обессудь. Согласна?

– Согласна. Не может никто мимо княжны света пройти, не восхитившись, а значит, и он не мог! – ликует княжна Ларена, кружится, пятками ритм отбивает волшебный.

Ушла Марена. За линию костров ночных спустилась, мимо озера тайного прошла. Открылась пещера в сердце Лысой горы, впустила в свои недра княжну Тьмы.

Солнца полуденного тепло, ветра степного свободу, ночи волшебной прохладу, крови влюбленного жар – смешала Марена в котле ведьминском, волосом Ларены приправила, водой студеной разбавила, меда каплю влила. Да не заметила, как волосок свой обронила.

Рассвет уж близится, все яростнее пляски, все выше полыхают костры. Все пьяны хмелем свободы ночной. Всем приют дает Лысая гора в эту ночь.

Нашла княжна темная Ларену в кругу бесов крутящейся. Выволокла за руку, по щекам отхлестала, в себя привела. Сунула ей в руку бутылек прозрачный. В том бутылке – ярко-алая капля с золотыми прожилками, светится, шевелится, в ритме сердца бьется.

– Разбавь водой и влей в кубок избраннику своему. Выпьет, три удара сердца пройдет – и узнаешь, любя ли ты ему. Весне скажи, что отдала я свой долг.

Понеслась Ларена к столам светлых князей, выхватила кубок у сестрицы, влила туда зелье ведьмино.

– Отведай, Лихар, напитка из рук моих. Хоть и не любишь ты меня, но хоть сестрой назови. – Склонилась княжна перед оборотнем, протянула кубок тяжелый. Слезы в глазах кипят, румянец на щеках играет. Сжалился Лихар, принял кубок, в один глоток осушил.

Затаилась княжна. Отсчитала, пока сердце его три раза стукнет в груди. Потянулась радостно ему навстречу, губы подставила.

– Прочь с дороги, гусыня!

Оттолкнул ее Лихар, бросил кубок на землю и ушел прочь, не оглядываясь. Замерла на миг Ларена, упала наземь, принялась слезы лить. Светлый князь всполошился, приказал поднять дочь младшую да увести в горницу к Заре. Оставшихся же стал выспрашивать, что стряслось с любимицей его. Рассказали ему, что Лихар оттолкнул Ларену, вот она и заплакала. Взъярился князь, отправил воинов своих искать Лихара.

И нашли его. Да только оторвать от ведьмы зеленоглазой не смогли. Стоят они на холме лысом, в окружении костров, за руки держатся, смотрят в глаза друг другу – оторваться не могут. И клятву вечную шепчут. Увидела Весна такое дело, подошла к отцу и рассказала на ушко, с чего весь сыр-бор начался. Князь пожурил старшую, рассказал ей, что не бывает любви без единого ростка в душе. Да и ушел, оставив влюбленных, клятвы брачные шепчущих.

Долго ли, скоро ли – узнала Ларена, к кому ее жених ушел. Разозлилась княжна, разъярилась, по всему свету ветры сухие отправила – чтобы нашли да привели к ней непокорных ее воле. Принесли ветры Марену с Лихаром, за руки держащихся. Раз позвала княжна светлая в свою горницу оборотня, второй позвала, третий. На своем стоит оборотень, отказывает княжне. Не выдержала девица, топнула ножкой нежной – скрыло влюбленных пламя солнечное, жгучее. Закрыл Лихар жену свою от света злого.

Наслала княжна ветры злые, кусачие. Прикрыла своим плащом оборотня Марена, все ветра успокоив.

Услышала Весна, что творит сестрица ее младшая, побежала за отцом. Привела Князя Светлого, на зов Марены и Темный князь явился. Стоят они в горнице Ларены, княжну за руки воины держат, Марену на руках оборотень держит – досталось ей от княжны последним ударом. Цветы нежные по полу разметаны, ногами затоптаны, огонь по углам горницы коптит уже.

– Прощения проси. – Суров светлый князь, зол на дочь свою неразумную.

– Нет! Она виновата, она у меня жениха свела! – кричит, ярится Ларена, из рук рвется.

– Проси прощения, глупая! – беспокоится светлый князь, на Лихара поглядывает. Знает – случилось что с молодой женой, оборотень весь род свой на охоту за княжной отправит. И будет в своем праве.

– Да пусть сдохнет на руках у него, ведьма клятая! – выплюнула княжна Ларена проклятие свое, закатила глаза и обвисла в руках у воинов отцовских, растворяясь в солнечном свете. Не любит свет, когда под его знаменем дурные дела творятся. Не простил он младшей княжне такого поступка, забрал душу к себе, на перевоспитание.

А Весна, сестрица старшая, раскаялась, что с нее все несчастья начались, сгладила проклятье Ларены. Жива осталась Марена, да только жизнь та пуста. Коли притронется к ней Лихар, тут же в сон впадает Марена. И можно бы снять проклятие, но нужна для этого сама Хозяйка судеб, которую, как известно, днем с огнем не сыщешь. Может Хозяйка разорвать паутину чар, спутать в одну нить судьбы Лихара и Марены, провести княжну темную через мост калиновый. И до сих пор бродит по свету Лихар в одиночестве в поисках спасения от проклятия, сидит в горнице Марена, нити зимних ночей выплетает, одежду ткет да через Весну любимому передает...

– Поздравляю вас, дорогие гости! Это было неподражаемо! – кажется, все, кто в этот момент оказался в зале, вздрогнули. На подиум к музыкантам вышел высокий мужчина, похожий на постаревшего Брэдли Купера. Лукавый взгляд прищуренных голубых глаз, широкие скулы, золотисто-русые с проседью волосы прикрывают уши, кривятся в доброй ухмылке полные губы.

– Это директор театра, Мориш Леру, – шепнула Лелька, невесть как оказавшаяся рядом. Все время, пока шел спектакль, она мелькала где-то поблизости, среди свиты Светлого князя. Кажется, она играла Молнию – верткую, яркую, не дающуюся в руки, притягательную и опасную.

– Наша команда благодарна вам за этот бал-маскарад, который вашими стараниями стал настоящим произведением искусства!

Директор продолжал что-то вещать, разъясняя смысл постановки. После на сцену поднялись настоящие актеры – я насчитала пятнадцать человек. За ними – команда поддержки во главе с моим костюмером и синеволосой девицей. После представления всех героев вечера нам предложили разбиться на группы и обсудить спектакль.

Контактный театр – сравнительно молодое направление. Скажу больше, он сильно смахивает на большую ролевую игру. Зрители в этом случае сидят не за пределами сцены, а как будто на ней. Декорации ставятся вокруг, все действия актеров задевают сидящих, вынуждая принимать участие, импровизировать, отвечать, играть. Говорят, таким образом достигается полная вовлеченность зрителя в постановку. И все грани ее смысла раскрываются гораздо ярче, чем если бы зритель сидел в тени партера и просто наблюдал. То, что предложили нам сегодня, сильно отличалось от стандартного сценария. Но... кто сказал, что постановка пострадала от этого?

Я как будто выпала из реальности на эти три часа. Казалось, что в воздухе витает запах костров и скошенной, стоптанной травы у изножья горы. Что вокруг пляшут не петербуржцы, переодетые в маскарадные костюмы, а самые настоящие ведьмы, духи и прочая, прочая. Нереальная атмосфера, что и говорить.

Я попала в группу обсуждения как раз к той синеволосой девице, которая стояла с моим костюмером. Оказалось, что это режиссер труппы, Анна. Фамилию она не называла, но, глядя на нее, я и сама вспомнила историю этой крайне талантливой и амбициозной девушки. Расскажу попозже о ней. Так вот, Анна поведала нам, что жесткого сценария на этот раз не было – были лишь векторы развития события. Могло сложиться и так, что Ларена вышла бы замуж за оборотня. Могло сложиться, что оборотень украл бы Весну. Сложилось как сложилось. Меня поблагодарили за чудесную игру (никогда бы не подумала, мне казалось, я фальшивлю в каждом слове), спросили, давно ли я увлекаюсь приготовлением коктейлей. Вы думали, откуда взялось приворотное зелье? Все просто, пригодилась та самая кухня в третьем чилла-

уте. Я пошла туда, в стилизованном котле смешала фруктовые соки, немного текилы – и вручила все это своей «конкурентке».

– Молодой человек, игравший Лихара, просил передать вам свое восхищение. Вкус зелья ему очень понравился. – Странно, и почему это Анна так хитро улыбается?

– Я рада это слышать. – Вежливо ответила я. К слову, Лихар оказался одним из актеров театра. А Ларена – его девушкой. Как раз сейчас они стояли, обнявшись, в одной из зеленых ниш комнаты-сада и о чем-то тихо говорили. Театр – интересное развлечение для пары, мне кажется. И быть вместе никогда не наскучит, и себя испытать в разных ситуациях можно.

По клубу разливался приглушенный свет, звучала тихая спокойная музыка. Мы с Лелькой успели переодеться, умыться, перезнакомиться с теми, кто играл вместе с нами, обменяться номерами телефонов.

– Жаль, что твой оборотень в маске был. Непонятно даже, красивый он или не очень. – Вздыхнула Лелька, провожая чуточку завистливым взглядом пару Ларена-Лихар.

Я пожала плечами. Высокий плечистый парень, в меру накачанный – на руках он меня держал совершенно спокойно. Приятный, немного хриплый низкий голос – таким здорово петь баллады под гитару у костра. Модная сейчас трехдневная щетина на тяжеловатом подбородке, четко очерченные губы – не тонкие и не пухлые, как у девчонки. Ровный загар, короткий ершик густых рыжевато-каштановых волос и карамельно-карие глаза с черными пятнышками по краю радужки. Верхняя часть лица закрыта маской, имитирующей шкуру рыси. Смотрелось шикарно. Но и только.

Я уже собиралась сесть в такси, как вдруг дверцу кто-то схватил и рванул на себя. Я чуть не вылетела на асфальт, в последний момент успев разжать руку.

– Девушка! Ой, простите. Я так торопился. – В салон старенького форда заглянул нескладный парень в мятом пиджаке, джинсах и круглых, как у кота Базилио, очках.

– Говори давай, кавалер, ехать пора! – грозно отозвался со своего места таксист.

– Да-да, я быстро... Так вот, девушка, скажите, вы суеверная?

– Нет.

– А верующая? – взгляд впился в крестик, болтающийся на шее.

– Бывает иногда. К чему такие вопросы? – парень начал раздражать. Еще и ветер холодный в салон впустил.

– Отличненько. Раз все так сложилось – будем вас очень ждать в следующую субботу на спектакль! Прошу вас, приходите обязательно! – парень всунул мне в руку карточку и прикрыл дверь машины. Таксист, ворча под нос про творческих личностей, тронулся с места.

С карточки мне подмигивала черным глазом ворона в короне, указывая на название спектакля кривым когтем.

Готическим шрифтом меня скромно приглашали на «Игры со смертью.»

Золотоволосая девушка проводила задумчивым взглядом синий форд с шашечками на крыше, в котором уезжала от театра девчонка, игравшая ведьму Марену. Помолчала, после чего подошла мужчине в маске рыси, обняла его и заглянула в глаза.

– Милый, и как это понимать? Почему ты выбрал ее, если мы уже сто раз играли пару? Никто бы ничего не сказал тебе!

– Эльза, не кипятись. Хороший спектакль получился, с неожиданной концовкой. – Мужчина усмехнулся. – К тому же я, наконец-то, увидел, что и правда тебе нужен. Какой накал страстей, уму непостижимо. – Он склонился, притянув блондинку ближе к себе, нежно поцеловал. – Моя маленькая ревнивая Эльза... Подумать только, я и не знал, что ты такая собственница. – Девушка фыркнула в ответ, попробовала вырваться. Мужчина толкнул ее под колени,

подхватил на руки и поцеловал еще раз. – Пойдем домой, замерзнешь еще. У тебя следующий спектакль через неделю.

Глава 5. Новые знакомцы

*Не проститься ли нам на месте?
Прежде, чем осознаем кто мы.
Даже через полвека вместе
Мы останемся незнакомы.*
«Незнакомец», Non Cadenza

Первое ноября я благополучно проспала до обеда. Проснувшись, не сумела вспомнить ни одной детали из собственных снов. Так, неразборчивое мельтешение, искры, гул голосов. Голова после вчерашнего побаливала – после того чудо-спектакля мне не удавалось заснуть, так что я благополучно просидела на кухне часов до четырех утра. Зато стих написала. Месяц уже ничего родить не могла стоящего, а тут просто само на бумагу просилось. После обеда заскочила Лелька, сгребла остатки вещей, оставила свою часть квартплаты за прошедший месяц и умчалась по делам. А я, недолго раздумывая, устроила себе день безделья. Купила в продуктовом у дома попкорн, быстренько приготовила себе пятилитровую кастрюльку лакомства и запустила первую серию Дома кукол, сериала, который мне давно советовали посмотреть Ирка с мужем.

Утро понедельника встретило меня ровным слоем снега, еще чистым и незапятнанным. Кружка кофе, каша, легкий макияж, теплый деловой костюм, черное пальто до колен, берет, кокетливо съехавший на бок, сапожки – и бегом к метро. Рабочий день, полный криков, слез, угроз, соплей и сплетен – очередной клиент с делом о наследстве и его великовозрастные охамевшие детки. Еще один рывок на метро – и можно расслабиться. До начала новой лекции еще полчаса, так что я решила прогуляться по университетскому скверу. И вот иду я, никого не трогаю...

– Марена?! Марена, стой!!!

Я даже сразу и не поняла, что это ко мне обращаются, потому остановилась, только услышав гулкий топот за спиной. В мою сторону во всю прыть мчался тот самый очкастый парень, который позавчера выдал мне приглашение на следующий спектакль.

– Фу, еле догнал. Что ж ты не останавливаешься, когда тебя зовут? – попенял мне парень, укоризненно глядя исподлобья и пытаясь отдышаться. Смешной. Нескладный такой.

– Вообще-то меня зовут Оксана. И на «ты» мы еще не переходили. – Пытаюсь соорудить надменное лицо. Как у моей начальницы, когда она с неугодными ей заказчиками говорит.

– Прости... те. – С запинкой ответил парень, выпрямляясь. – Иван Цаплин, актер театра, где вы в субботу прекрасно показали свой талант. Вот, увидел вас, решил подойти, поприветствовать-с, а вы игнорируете.

– Оксана Карская. Прощаю. – Я улыбнулась и подмигнула незадачливому актеру. Тот воспрял духом и спросил:

– Теперь можно на «ты» перейти? – оставалось только улыбаться и кивать.

Оставшееся время до пар мы бродили по припорошенному снегом скверу вдвоем. Иван рассказывал про работу в театре, я внимательно слушала. Неожиданно его слова про показанный талант меня зацепили. Мне всегда нравилось входить в образ, когда Лелька с Маратом устраивали фотосессии на разные тематики. Иван же в этом оказался мастером. Пока мы болтали, он обмолвился, что в субботу играл роль Светлого князя. Я даже споткнулась от неожиданности, по-детски разинув рот.

– Князя?! Ты – играл князя?! Да быть не может! Я же рядом с ним несколько раз проходила, в финальной сцене почти нос к носу стояли!

Иван улыбнулся, отвернулся на секунду. Повернулся ко мне абсолютно другой человек. Он расправил плечи, выкатил вперед грудь – и оказалось, что не такой уж он и хилый, как мне показалось сначала. Наоборот, очень даже крепкий – на полголовы выше меня, плечи богатырские, осанка... Такой любой принц позавидует. А выражение лица – это просто неопишимо. Без очков и добродушной улыбки парень растерял всю теплоту, которая от него исходила, и превратился в заносчивого, холодного и крайне уверенного в себе мужчину. Серо-голубые глаза смотрят на мир отстраненно, свысока, уголок губы кривит усмешка, лицо без улыбки стало казаться уже, приглаженные волосы на выглянувшем солнце сверкают благородным золотом...

– Все, верю, действительно Светлый князь. – Именно таким я и запомнила того персонажа. Подумать только, и все это – один и тот же человек. Действительно, талант.

После моих слов парень тут же расслабился, ссутулился и широко улыбнулся. Образ князя пропал моментально, даже тени не осталось.

– Здорово. Я такого быстрого преобразования еще никогда не видела.

Иван подмигнул мне и, взяв под руку, повел в сторону входа в корпус.

– Оксана, можно я с тобой на лекцию схожу? У вас же не отмечают, я правильно понял? – внезапно попросил он, задрав голову и разглядывая наш семиэтажный корпус.

– Вообще-то отмечают, но ты можешь представиться новеньким. А зачем тебе?

– Давно в универе не был. Вдруг знакомых преподав встречу, вот здорово будет. – Мечтательно разубался Иван.

– Ну, пошли тогда. На входе паспорт охраннику дашь, данные перепишет.

Мы миновали пост охраны, тетушку-гардеробщицу, поднялись на третий этаж и вошли в аудиторию. Почти все мои курсистки уже были на месте.

– Ванька! Ты здесь откуда?! – от окна нам махала Юля, отложив в сторону огромные черные наушники-чебурашки. Лида оторвалась от тетради, обернулась в нашу сторону и приветливо улыбнулась.

– Неожиданно, но... Пойдем, сядем рядом, это мои подруги. – Я проследила за внезапно зарумянившимся Иваном, уставившегося на девчонок (понять бы, на кого из них), потянула его за рукав.

– Иван, это Лида. С Юлей, я так поняла, вы уже знакомы.

Парень поправил съехавшие на кончик носа очки и заодно поклонился в пояс. Юлька захихикала, Лида продолжала отстраненно улыбаться.

– Юль, где вы познакомились? – шепнула я в спину подруги, пока новый препода писал тему занятия на доске. Кажется, сегодня у нас этика. Скукота.

Юлька, не оборачиваясь, положила на край стола записку.

«Мы в одном театре работаем»

«В Les Marionettes?»

«А ты откуда знаешь? Или он сам сказал?»

«Я там была в выходные, на спектакль с Лелькой ходили.»

«Ого. И как, понравилось?»

«Очень!»

«Я рада»

«В смысле?»

«Это мой сюжет был, я всю неделю придумывала»

Я в шоке оторвалась от записки. Любопытный Иван тут же заглянул в записку, прочитал и затрясся от смеха. После чего подвинул листок к себе и размашисто написал:

«Юлька – хвастунишка»

Остаток пары они, хихикая, переписывались друг с другом. А во время перерыва Иван, подбоченясь, важно надул щеки и заявил, что таким красивым и воспитанным девушкам нет

смысла сидеть на этике, потому он, как старший среди нас, забирает всю честную компанию под свою ответственность.

– Куда, папочка?

– В Рыбу, доча. – подмигнул мне Иван и, сняв со спинки стула свое и мое пальто, насвистывая, двинулся к выходу. Лида с Юлей переглянулись, дружно скинули тетради в сумочки и потянулись за ним. Я замыкала шествие прогульчиков.

Слава всем богам, на препода мы так и не наткнулись, хотя ее голос постоянно звучал где-то поблизости. Кажется, она отчитывала несчастного, что писал у нее диплом...

– От сессии до сессии живут студенты весело, – отпустил бородатую шутку в сторону истязаемого паренька Иван, посмеиваясь на ходу. – Все-таки есть своя прелесть в студенческой жизни, девчата. Все вокруг молодые, полные сил, свободные от обязательств и избытка морали. Красота...

– Поступай да получай вторую вышку, снова почувствуешь себя студентом, – предложила Юлька, разглядывая стенд с афишами университетских мероприятий на первом этаже. – Я летом получила диплом и как-то больше за парту не рвусь.

– Все у тебя впереди, Юленька, – тоном умудренного годами старца произнес Иван, – ностальгия потом мучать будет, сама в магистратуру побежишь. Да и что твой бакалаврский диплом, а? Ну вот скажи, Оксана, взяла бы ты к себе такую сотрудницу? Четыре года отучилась, диплом отхватила – и вуаля, специалист высшего класса. Ну, где это видано? Как таким специалистам вообще доверять можно?

– А вам всем подавай молодую, с двумя вышками, опытом работы пять лет и 2 взрослыми детьми, ага – огрызнулась Юлька, прибавив шаг. – Вань, знаешь же, что большая тема, чего лезешь-то?

– Кстати, Юль, я давно спросить хотела, для чего тебе эти курсы? Тем более раз ты в театре работаешь.

– Лида, я людям роли пишу! Мне нужно разбираться с первого взгляда, что человек потянет, а что нет. Как с ним говорить, о чем он думает, чего хочет. На курсах, конечно, бреда хватает, но и пользы тоже много.

– Плюс ко всему директор давно предлагал менеджера по кадрам официального завести, а то ему лень самому собеседования с новыми дарованиями каждую неделю проводить, – Иван еле успел увернуться от подзатыльника, которым его пыталась наградить коллега. – Видишь, Лид, я о ней забочусь, спасаю от зряшной траты времени, а меня за доброе дело бьют.

Лида, глядя на печальное лицо актера, фыркнула и пошла дальше, чуть вырвавшись вперед.

– Королева не хочет говорить с тобой, смерд, – перевела реакцию подруги Юлька, похлопала парня по плечу и умчалась догонять Лиду.

– Вань, ты на нее не обижайся, Лидочка у нас о принце голубых кровей мечтает, даже к гадалке ходила, как выяснилось.

– К Юлькиной бабке, что ли?

– Ну да. А как ты догадался?

– Да Юлька всю труппу к ней перетаскала, проверить на везение, линию жизни и так далее. Мориш только поржал над нами, но сходить разрешил. Даже Эльза ходила, – он усмехнулся, видимо, вспомнив что-то забавное.

– Эльза – это...

– Девчонка, которая Ларену играла. Златовласка наша звездная. Что в ней Ян нашел, не понимаю.

– Ян – это тот оборотень – я проявила чудеса логики, вспомнив парочку, обжимавшуюся в углу цветочного зала.

– Ага. Ян Моришевич, старший сын директора. А Эльза – наша прима, как она себя величает. – Юлька вернулась к нам, смешно сморщив нос. – Ах, она не может играть эту роль, это не ее типаж! Ах, она отказывается играть в паре с Иваном, ЯН не поймет и будет расстроен. Ах...

– Юль, мы все поняли, что ты ее не любишь, – оборвал ее излияния Иван.

– Да курица она белобрысая! Лидочка в сто раз красивее, если уж на то пошло! И понтов у нее меньше! Спорим, она лучше играет? – Юля совсем разошлась, тормознув нашу процессию на полпути к метро. Она стояла, воинственно уперев руки в бока. – Ну, что скажете? Ксан, ты же видела ту мымру!

– Видела. Мне кажется, Лида и правда симпатичнее. Изящнее, что ли.

Лида зарумянилась под нашими взглядами.

– Решено! Значит, на следующий спектакль Лида приходит, а я даю ей главную роль! – Юлька захлопала в ладоши и тут же зашагала дальше по дороге.

– А... Ксан, какой театр, какие роли?! – Лида в смятении обернулась ко мне.

– Не переживай. Доедем до Рыбы – и все расскажем.

Для тех, кто не был в Питере, поясню. Ресторан «Рыба» – почти что самый крутой ресторан на седьмом этаже торгового центра «River House». Туда модно водить партнеров и любовниц, там же элита всех мастей считает достойным проводить свои корпоративы и праздники. Ресторан двухэтажный – если первый этаж занимает элегантный зал в красно-коричневых тонах «для взрослых», где ведутся неспешные разговоры, то на втором этаже зажигает молодежь – именно там обустроен бар с высокими стульями, стойкой, танцплощадкой и всем прилегающим. Тоже в красно-коричневых тонах. Собственно, туда мы и направились, благо, что время давно перевалило за шесть часов вечера, и этаж был открыт для посещения.

Мы устроились за столиком у окна с видом на Неву. Взяли по коктейлю, заказали с первого этажа итальянскую пиццу и... началось.

– А теперь рассказывайте, что за театр, какие еще главные роли, и о чем вообще вы талдычили всю дорогу? – Лида отставила свой бокал, подперла щеку ладонью и приготовилась слушать.

Пока Юля с Иваном, перебивая друг друга, рассказывали о феномене контактного театра, я рассматривала Лиду. Девушка с модельной внешностью, что уж говорить. Волосы платинового цвета (свои!) до попы, изящная стройная фигурка, красивая грудь, длинные ноги – она всегда подчеркивала свои достоинства, даже на курсах, где большая часть студентов – женщины. Узкое лицо с немного раскосыми голубыми глазами, тонкий носик, заостренный подбородок – Лида похожа на ласку. Красивая-то красивая, но и укусить может. Она бывает очень доверчивой, наивной, как будто не девушка 21 века, а тепличное растение какое-то. О семье она никогда не рассказывала, хотя судя по ее «экипировке», родители явно не бедствуют. К той гадалке она, как я потом узнала, ходила на следующее утро после нас с Галкой. И с тех пор ходит и чему-то мечтательно улыбается.

Я попыталась вспомнить Эльзу-Ларену, которая мелькала у меня перед глазами весь субботний вечер. Тоже блондинка, только оттенок больше золотистый (ретриверский, я бы сказала), тоже высокого роста, с фигурой проблем нет. Но что-то в ней все-таки отталкивает. То ли выражение лица спесивое уж слишком, то ли манера двигаться... Пока сидит и молчит – девочка-картинка. Как только откроет рот – сразу хочется отвернуться. Не понимаю. Но для роли насквозь порочной светлой княжны – самое то. Может, она, как Ваня, играла?

– Если можно, девочки, я бы очень хотела с вами пойти. Мне гадалка сказала, что на всякие предложения на этой неделе нужно отвечать положительно, – голос Лидочки звенел от серьезности.

– А предложение прыгнуть с десятого этажа ты тоже примешь положительно? – поинтересовался Иван, погладив пальцем руку Лидочки. Та фыркнула в очередной раз и отвернулась.

– Иван, не трави Лиду, она у нас девушка стеснительная! – прикрикнула Юлька. – Лид, без возражений, в субботу мы идем все вместе в наш театр. Я для тебя такую роль напишу... Закачаешься! И Директора попрошу посмотреть на тебя внимательнее!

– Я хотела узнать, почему у вашего директора такое имя странное. Это псевдоним такой? – мне и правда, было интересно.

– Мориш Леру, отчество не вспомню, эмигрировал из Польши в 1975 вместе с родителями. – Начала рассказывать Юлька. – Осел в Питере, закончил театральный, женился на начинающей актрисе, съездил с ней на гастроли в Париж, вернулся и создал наш театр. Нам в этом году... Вань, сколько театру?

– Пятнадцать лет весной будет, – флегматично отозвался Иван, глядя в окно.

– О, надо же, юбилей! Так, о чем это я... А, вот, мы – третий состав труппы. Я самая мелкая, Ефим Иванович, наш костюмер, самый старый – ему пятьдесят с хвостиком. Жену его мы ни разу не видели, она где-то в штатах выступает. А два сына – Ян и Димитрий – играют с нами. Ты, кстати, обоих видела, – подмигнула девушка. – Ян был твоим оборотнем, Рик – провожал к костюмеру. Ох, и вопила же потом Эльза, что на ее Янчика всякие ведьмы покушаются, ты бы слышала...

– Нужен мне больно ее Янчик. Я его видела раз в жизни. Рик – это...

– Димитрий. Митя или Дима ему не нравится, так что его все зовут Риком, так его первого героя звали.

– Кстати, ваш режиссер...

– Аннушка? с синими волосами такая?

– Ага. Почему она так смеялась, когда мне благодарность от Яна за коктейль передавала?

Иван с Юлькой переглянулись и мерзко заржали – другого слова и не подобрать. Мы с Лидой оторопело на них смотрели и ждали, пока театралы угомонятся.

– Ксан... прости... – простонала Юлька, наконец, успокоившись и разгибаясь. – Просто все знают, что у Яна аллергия на брусничный сок. Он весь пятнами покрывается и опухает. А ты в зелье свое ему как раз бруснику намешала...

– Вот он попробовал и побежал убивать повара, – подхватил улыбающийся во все зубы Иван. – У нас же свой повар есть, как ты мимо него прошла на спектакле, никто и не понял. Вообще-то все блюда по сценарию он готовит и выдает актерам.

– Ага. И повар знает, что бруснику Ян не выносит. А тут такая подстава...

– Вот-вот. И бежит наш Янчик, пышет гневом, влетает на кухню, речь уже заготовил ругательную... – Иван замер в предвкушении финала. Я же тихо краснела.

– А там – ведьма! – выкрикивает Юлька, подскакивая на своем месте. – Красиваяяя...

– Он и решил сюжетную линию поменять, – закончил рассказ Иван. Юлька покивала с важным видом, после чего снова согнулась от хохота. Даже Лида сидела и улыбалась. Одна я была пунцовая, как помидор.

– Ребят, я же не знала, про повара вообще никто не сказал...

– Забей! Зато постановка получилась – зашибись! И Эльзе нос утерли. Вот она и вопила в воскресенье, потому что ее с пьедестала потеснили.

– Ага, как же – спектакль один, а главных героинь две. Еще и она вдруг отрицательного персонажа играет. Ору было... – оба театрала замолкли, блаженно улыбаясь – по-другому не назвать.

– Диагноз ясен. В следующий раз буду умнее. А перед Яном... извинюсь. – Подумать только, из-за моей фантазии человек чуть анафилактический шок не получил, а они ржут. Балбесы, блин.

– Не получится, – посерьезнела Юля. – Ян сейчас по командировкам мотается, у него же группа своя. По концертам ездит.

– Нет так нет. – Боги, и тут музыкант. Хорошо, что у него уже есть девушка, да и мне он не интересен.

Дальше мы уже просто болтали ни о чем, потягивая коктейли. А я сидела и думала, что так спокойно и тепло я уже давно не проводила время. Разве что в родном городе, пока мы все – я, Ирка и Верка, подруги еще со школы – не разъехались по разным городам.

Глава 6. Безымянная

*Я знаю, где-то есть любовь,
Но только там, где нет войны,
Где не пугаются шагов,
И где спокойно видят сны...*
«Валькирия», Хелависа

Сколько себя помню, всегда удивлялась людям, которые женятся, рожают детей, а потом вдруг разводятся из-за какой-нибудь ерунды вроде любви к котикам или собачкам. Мои родители, Юрий Витальевич и Римма Борисовна Карские, дружили со школы. Поженились на третьем курсе университета, успешно его закончили и на радостях через год родили меня. Мне уже 26, а они все еще вместе. Несмотря ни на что. Как и бабушки с дедушками. Воспитание такое – чтобы выбрать один раз и на всю жизнь, а за свои решения нести ответственность. Семья Карских – потомки аристократов, которые переехали из Омска во время революции, да так и остались в нашем городе. Городок оказался мирным, спокойным и... научно-рабочим. Прадед папы был ученым-металлургом, так что он просто взял свои бумаги и пошел на завод, градообразующее предприятие, как его сейчас называют. Семья ждала на вокзале. Прадед вернулся только к ночи, но зато довольный, как начищенный самовар. Его приняли на работу, а семье позволили остаться в городе. Так его увлечение спасло родным жизнь и дало будущее.

Папа продолжает его дело, работает с металлургическими предприятиями по всей стране. Мама стала начальником жилуправления. Она увлекается всеми видами рукоделия – так что наш дом увешан картинами, букетами, расписными вазами и прочим хэнд-мэйдом. Она так после работы расслабляется. Родители же привили мне вкус к хорошей музыке и литературе. Не мешали и не запрещали, пока я пробовала свои силы в жизни, решала – поступать или забить, как Лелька, уезжать или нет в Питер. Твой выбор – под твою же ответственность, говорили мне. И особенно намекали на выбор спутника жизни.

К чему это я? Сидим мы с Юлей в гостях у ее бабушки, пьем чай с малиновым вареньем, смотрим ее детские фотки... и слушаем рассказ философини-гадалки Василисы о беспутной дочери. Родители Юльки – Василий Петрович и Галина Ивановна Селиверстовы – развелись, когда Юльке исполнилось только пять лет. Из-за глупости, на мой взгляд. Мама Юльки хотела заниматься научной работой, защищать диссертацию, а папа считал, что место женщины – на кухне, причем обязательно быть босой и беременной. Внезапно как-то вылезли у него эти замашки, которых во время конфетно-букетных ухаживаний не наблюдалось. Пять лет Галина Ивановна терпела, после чего собрала вещи, увезла маленькую дочь к бабушке и уехала в Новосибирск, строить научную карьеру. Документы на развод прислала уже оттуда. Папик долго не думал, подписал и в тот же вечер уехал в Москву, а потом и в Штаты.

– Представляешь, Ксан, у меня две сестры сводные. Бетти и Линди. Прикольные девчонки, в Питер приезжали по обмену. – Юлька рассказывает, а у самой глаза грустные. – Отец все никак не соберется. Деньгами отдаривается. Тяжело ему, видите ли, в России, – она зло усмехается, постукивая ногтем по фотографии отца.

Юлька сейчас живет в общежитии – от бабушкиного дома ехать до универа было долго. После выпуска комендантша разрешила Юльке остаться за небольшую плату, пока та не найдет квартиру. Когда становится совсем тоскливо, наша девочка-батарейка едет ночевать в родной дом. Или в театр, к Аннушке.

С Аннушкой и компанией она познакомилась на втором курсе. В университетскую театральную студию, куда она ходила, как-то раз заглянул Рик. Посмеялся над молодыми актерами и пообещал показать класс. Все обиделись, Юлька заинтересовалась. Рик притащил ее втихушку на репетицию к отцу в театр, где их за кулисами и засекла Аннушка. Они разговорились, выпили по рюмочке чая, обсудили последний сценарий, над которым корпела Аня... С тех пор Юля играет и пишет роли в театре Les Marionnettes. К этому благому делу она решила привлечь и меня, вычитав ВКонтакте про мое увлечение стихами и детективами Агаты Кристи (было дело).

– Ксана, пойми, людей, которым нравятся настоящие детективы, очень мало! Это же логика, воображение, фантазия, умение поставить себя на место героя! Ксаночка, пожалуйста, давай вместе попробуем поработать над сценарием! Я верю, что у нас получится шедевр! – вопила Юлька в трубку, разбудив меня посреди ночи со вторника на среду.

Несмотря на строгое правило, принятое в театре, начинать работу над сценарием минимум за семь-восемь дней, Юлька такими условностями не тяготилась и начинала писать только за три дня.

– Так проще себя держать в рамках! И на чепуху не обращаешь внимания, и роли пишутся быстро и четко. Я к экзаменам так же готовилась всегда! – объясняла мне подруга, впуская в дом к бабушке – работать решили тут.

Василиса Петровна, ухмыляясь, подкладывала нам на стол пирожки с капустой (девочки, у вас же ребра просвечивают! Кушайте на здоровье!), подливала чай и всячески отвлекала от дела. Видимо, соскучилась по внучке. Ее помощница ушла еще час назад, когда мы только ввалились в дом, слиняв со второй пары в универе.

– Смотри, рисуем три круга – каждый вложен в предыдущий. Внешний круг – второстепенные роли, для актеров, чьи анкеты или неполные, или слишком простые характером, – объясняла мне тонкости работы подруга, вооружившись блокнотом и цветными ручками. – Второй круг – герои, от которых зависит развитие сюжета. Их обычно не больше десяти, иначе сложно управлять игрой. Внутренний круг – главные герои, максимум четыре для наших постановок.

– А что за жирная клякса в центре?

– Сама ты клякса! Это Мастер, тот, кто знает весь расклад игры, все роли, все варианты развития сюжета.

– Бог театра?

– Хм, интересно звучит, – задумалась Юлька. – Вообще-то ты права. Обычно Мастер и автор сюжета – одно лицо, но иногда Мастером становится директор. Как в прошлый раз, например. Он следит за актерами, помогает, направляет новичков – и все это делает незаметно. Так спектакль доигрывается до конца, зрители получают удовольствие от игры в актеров, а актеры – гонорар и поклонников. Ну а мастер за этим безобразием наблюдает и улыбается.

– Жуть какая. – Я поежилась. Понимать, что твоими действиями во время спектакля кто-то управлял, а ты и не заметила, было не очень приятно.

– Нет же, ни капли не жуть! Мастер в основном наблюдает и вмешивается только в самом крайнем случае! От его действий иногда зависит успех всего спектакля. Не успеет он подтолкнуть к решению новичка – завалится целая ветка сюжета. Обычные актеры знают только роли, относящиеся к их линии, не больше. Кому охота запоминать по семьдесят-восемьдесят ролей?

– Все, поняла. Мастер – добрый и заботливый бог в мире отдельно взятого сюжета.

Юлька засмеялась и согласно кивнула. А я вспомнила парочку сказок о норнах, прядущих нити судеб каждого человека. Подумать только, тот, кто пишет сценарий, сочиняет судьбы героев, действительно практически бог. И мне предлагают этим заняться?!

– Юль, ты извини, но это же очень серьезное дело! Я дилетант, так что толку-то от меня...

– Не кипишуй. От тебя требуется сейчас меня выслушать и дать свои комментарии по задумке. А потом раскритиковать роли. – Юлька нахмурилась и стащила из тарелки очередной пирожок. – Будешь на сегодняшнюю ночь критиком.

Ну, критиком так критиком. Так и пошло. Юлька описывала сюжет, я критиковала. И затянулось это аж до ночи пятницы. Все это время мы ночевали то у меня (комната Лельки была свободна), то у Василисы Петровны. Иногда к нам присоединялся Иван, слушал, вставлял свои пять копеек и мчался дальше по делам. Вот и сегодня он перехватил эстафету по общению со мной у Юльки с ее бабулей и потащил меня к такси.

– Не против, если я у тебя сегодня останусь? – на полдороге к моему дому он все-таки решился и задал вопрос.

– Вань... оставайся, без проблем. Но только как друг, хорошо? – ненавижу такие моменты. Доверяешь человеку, общаешься с ним, а он раз – и влюбился.

Иван хохотал минуты три. После чего сделал серьезное лицо и поклялся, что ни в коем разе не думал обо мне как о собственной прекрасной даме.

– Мне вообще-то Лидия понравилась, – признался он, нежно пунцовея под моим взглядом. После чего вдруг весь как-то поник и перестал улыбаться. – Только она меня игнорирует.

– Любовь зла. Ладно, проходи, гостем будешь.

Я постелила ему в бывшей комнате Лельки, поставила чайник и уселась перечитывать финальный вариант сценария. Иван подсел ко мне минут через десять.

– Ксан, помоги, если можешь. Она же твоя подруга. Уж очень она мне нравится, а я даже не знаю, как к ней подступиться, – попросил он, заглядывая в бумаги из-за плеча.

– Вань, а ты ей свои метаморфозы показывал? Или так и подкатывал, тюфяк тюфяком?

Ваня обиделся, нахохлился и, кажется, собрался зачитать мне речь о том, что для любимой он в любом виде годен.

– погоди, не шуми. Честно скажу, в таком виде ты не интересен. Ты серый, ни-ка-кой, как и остальная масса парней. А Лидочка у нас мечтательница, она ждет героя, принца, волшебника. А тут подкатывает нечто в очках и штанах на два размера больше, горбится и мямлит про свидание. Самому не стыдно? – я пристально уставилась на друга (думаю, я могу его так назвать) в ожидании реакции.

Судя по всему, процесс пошел. Ванечка открыл рот, закрыл, подумал, покраснел, побледнел и уже совершенно с другим выражением лица повернулся ко мне с требованием:

– Что мне сделать, научи!

Я порылась в листах сценария, нашла роль Лидочки, роль ее партнера по игре (Юлька вписала туда кого-то из зрителей) и сунула в руки Ивана.

– Смотри. Сможешь в своем образе привлечь ее внимание – успех гарантирую. Кстати, твоя роль еще не утверждена, так что советую поймать утром нашего мастера и потрясти ее на тему дополнений к образу.

Иван счастливо покивал и умчался в свою комнату, вцепившись в лист. Для ролей у Юли были специальные бланки – туда вставлялось фото человека, вписывались его данные из анкеты, а ниже описывалась роль и имя героя. Роль потом вручалась человеку, а его данные с именем персонажа оставались у нас – чтобы знать, кто за кого играет, и не заплутать в количестве актеров.

Субботнее утро встретило меня богатырским храпом Ивана и трелью телефона. Звонила Юлька, просила выбрать роль себе по душе самостоятельно. Подозрительно покашливала в трубку.

– Юль, ты там в порядке? – я насторожилась. Интуиция подсказывала, что что-то тут не так.

– Все норм, Ксан, к вечеру буду как огурчик.

– Пупырчатая и зеленая?

– Нет. Молодая и соленая! – отшутилась Юлька и повесила трубку.

На кухню мимо меня прошлепал Иван, почесывая затылок и в одних штанах. Я проводила его взглядом, прислушалась к бряцанью турки о плиту и поинтересовалась:

– Хорошо ли спалось тебе?

Что-то рухнуло на пол, Иван выругался, после чего пулей пронесся в комнату и выскочил уже одетым полностью.

– Прости, не до конца проснулся, – виновато покраснел он.

Дальше мы разбежались каждый по своим делам. Он – терзать Юльку насчет роли, я – видаться с Лелькой. Правда, на порог она меня не пустила, вытолкнув на лестницу и прошипев кодовое:

– Кай приперся!

Я понятиливо покивала и молнией выбежала из ее дома, скрываясь в тени, как заправской шпиен.

Кай – это Костенька Бабушкин, моя последняя и пришибленная на голову любовь. Каем он стал после прихода в рок-группу. Его настоящее ФИО показалось менеджеру немодным. Костенька был одноклассником Лельки в Перми. Она же нас и познакомила, встретив на концерте в моем родном городе за год до отъезда в Питер. Сейчас он барабанщик перспективной питерской группы «Kali», которая последний гой колесит по Европе. И, видимо, черти притащили его в Питер именно сейчас.

Иногда я думаю, что если бы амнезия случалась по желанию человека, многим стало бы легче. Раз – и вычеркнул из жизни особо горестные страницы прошлого. Хотя с другой стороны, нет ничего страшнее понимания, что у тебя за плечами ничего нет. Ты чистый лист. Пожалуй, хуже было только в год окончания ВУЗа. Когда как раз на моем горизонте возник Костик и вытащил меня из того затяжного кошмара, в который я угодила. Может, именно из чувства благодарности выросла та странная привязанность к Костику?

Мне раньше казалось, что клин вышибают клином. В тот год закончилась моя... нет, не любовь, скорее, губительная страсть. Роман, моя первая и мучительная любовь, неожиданно решил жениться спустя полтора года наших отношений. Не на мне, как вы понимаете. На дочери своего инвестора. Еще и меня на свадьбу позвал, гад. Я была временным приключением, так что Ромочка сильно удивился, узнав, что «девушка понарошку» приняла всю его игру гораздо более серьезно и близко к сердцу. Дурочка.

Помню, вечер перед его свадьбой мы все-таки провели вместе, рассматривая всякие гитарные приблуды и видео, которые впечатлили нас обоих. Пару раз мне пришлось стерпеть обидные подколы на тему красивая-молодая-холостая. Пережить последнюю ночь в одной постели. Проводить его во втором часу на мальчишник. И постараться забыть.

Когда мы столкнулись с Костиком, я постепенно выплывала из той глубокой апатии, которая накрыла меня с головой на полгода. Я на самом деле заново училась получать удовольствие от всего! Днем провела небольшую фотосессию с Лелькой, снова писала стихи, слушала музыкальные черновики знакомых рок-групп. В понедельник – на киносеанс, во вторник – в тренажерку, в среду к подруге, поздравить с рождением сына... Энергии море, дел море, друзей море, планов вообще выше крыши! Каждый день был занят. Так гораздо проще не оставаться наедине с собой и своими мыслями. Игнорировать память.

Сейчас мне смешно вспоминать, но тогда меня вдохновило простое «привет-как-дела» от мальчика-музыканта, стоящего рядом с Лелькой. Таким проникновенным голосом он это сказал, что я поверила: ему не все равно. Ему и правда важен мой ответ! А тому, кто до сих пор тревожил мое сердце, это не интересно. У него же, слава Богу, все хорошо! И... стыдно признать, но я с головой нырнула в новые отношения. С самого начала обреченные, поскольку были всего лишь заплаткой для высохшей души.

Костенька стал новым воплощением моего идеала мужской красоты. Почти. Выше меня на голову, жилистый, но очень сильный, с кубиками пресса. Он вечно ходил с щетиной разной степени давности, цвет волос менял от концерта к концерту. Через год с момента нашего знакомства он проколол себе язык, нос и губу. Еще через полгода добавил пару дырок в уши. Он был такой необычный... Порывистый, резкий, неусидчивый – если дело не касалось партии на ударных, конечно же. Кай вечно стремился к новому, экспериментировал везде – и в постели, и на сцене. И в отношениях он оставался таким же экспериментатором. Просто любить ему казалось слишком скучным.

Мы постоянно ходили по лезвию бритвы, на грани нервного срыва. Он то был ласков и нежен – и я млела в его руках. То он устраивал безобразнейшие сцены и скандалы из-за любого пустяка – звонка друга, не помытой вовремя кружки, взгляда в сторону его телефона, когда он читал смски.

Мы съехались через три месяца после переезда в Питер. Расходились раз восемь, дважды он пропадал на месяц – говорил, что записи альбома, работа в студии. Врал частично. Это потом Лелька мне рассказала про их ночные дебоши в «Высоте», чтобы вывести меня из затяжной апатии и заставить разозлиться.

Я нашла в себе силы послать его к черту в августе прошлого года. Но – у него оскорбленное самолюбие выиграло. Костик пытался вернуться обратно, чтобы бросить потом самому. По крайней мере, так пояснил этот выверт мужской логики посерьезневший на один вечер Маратик.

Кая отгоняли от меня все, кто только мог – подруги, общая тусовка, родственники, прохожие. Кончилось это в декабре моим заявлением в полицию – Костик взломал дверь квартиры, куда я переехала с Лелькой. Его видела входящим в квартиру бдительная бабуля-соседка. Она же засекла меня в дверной глазок, вышла и предупредила.

Мне сказали, что он ждал меня голый, в постели, усыпанной лепестками роз. Романтик хренов. Полиции ржали долго и упорно, когда увидели его лицо. Еще бы, вместо девушки – толпа одетых в форму быковатых парней с дубинками. После пятнадцати суток Кай резко пропал из моего поля зрения и почти год не появлялся. На сайте группы был объявлен чес по городам и весям Европы. И вот он появился снова...

Делать нечего, пришлось ехать в театр. Пусть на два часа раньше назначенного времени, но...

Я еще погуляла в окрестностях Площади Ленина, выпила кофе в кафешке у торгового центра и в шесть часов спустилась-таки в «Муар», сжав в руке пригласительный, который мне вручил неделю назад Иван.

– Ксана! Как хорошо, что ты пришла пораньше! – встрепанная Аннушка встретила меня у входа. – Бегом, бегом, Ефим Иванович тебя ждет!

– Да что случилось-то? – я еле поспевала за режиссером на своих каблучицах.

– Ничего особенного, – вынырнул из-за угла Рик, – просто Юлька заболела и лежит дома с температурой, а нам позарез нужен мастер.

– Вот я и говорю, здорово, что ты так вовремя. Пошли, пошли, надо роли раздать, переодеть тебя... Рик, зови Ивана, пусть сменил Арину на входе! Ксану гримировать под Безымянную, образ Мастера берем из прошлогоднего сценария, Юлькин вариант ей не подойдет, не тот типаж. А ты беги в примерочную, Ксана, не стой столбом. БЕГОМ!!! – проревела Аннушка, успев раздать всем поручения и на полном ходу запихивая меня к костюмерам. Дверь хлопнула уже за спиной, чуть не ударив по нижним девяноста.

Безымянная. В постановке «Игра со смертью». Черт. Кажется, я влипла...

Глава 7. Игры со смертью

*Жизнь-веретено, колыбели стук,
Вот я и дошел до тех трех дорог,
И стою, словно у дверей,
А за ними ждет та, что всех милей.*
«Невеста», Елена Ваенга

– Запомни, твоя роль – Безымянная, – взволнованно шепчет мне на ухо Рик, оглядываясь по сторонам. Мы стоим в театральной примерочной и ждем, пока Ефим Иванович найдет нужный костюм.

– Безымянная – это кто? Мы ее не вписывали в сюжет! – лихорадочно вспоминаю карту персонажей спектакля, силясь понять, что от меня потребуется.

– Ну, ты только не волнуйся, но... – Рик мнетя пару секунд, потом зажимается и совсем тихо выдавливая, – Безымянная – это Смерть.

– Кто?! – все странные вопросы Ивана насчет суеверности вкупе со сплетнями подмостков всея мира о роковых случайностях в жизни тех, кто когда-нибудь играл даму с косой, тут же всплывают в памяти.

– Да ты не пугайся, у нее, ну, то есть у тебя, вполне мирная задача. – Рик выставляет вперед руки, как будто пытается удержать меня на безопасном расстоянии. – Понимаешь, это все с эзотерикой напутано – общий смысл, что Смерть и есть та самая Судьба. Подробнее тебе уже Аннушка расскажет. О, Ефим Иванович, как вовремя! – и Рик, подлец такой, сбегает.

Пожилой костюмер усмехается, подкручивает рыже-серый ус и загоняет меня на тумбу.

– Что ж, приступим.

Глаза мне завязывают почти сразу – чтобы не мешала своими комментариями, мол. Меня крутят, вертят, что-то шелестит вокруг, прохладная гладкая ткань скользит по коже, скрывая ноги до пола и оставляя открытыми плечи. Тонкое кружево на руки – узнаю по ощущениям съемные рукава, ледяные бусины гроздьями обхватывают шею, тяжелые серыги оттягивают уши.

– Выдохни!

Грудь тут же сжимает – затянули корсет. В шуршание и шелест тканей вплетается стук пластика о дерево. Что-то легкое, пушистое касается лица – пришла визажистка Арина. Макияж отнимает не меньше сорока минут – я удивляюсь про себя, почему так долго. Какой-то грохот, мелкие капли ароматной воды оседают на кожу, щелкает выключатель, что-то скрипит перед лицом, стук, опять грохот. И вдруг – тишина.

– Готово. – Выдыхает Арина и снимает повязку.

за моей спиной стоят костюмер, визажист и режиссер. Ефим Иванович вытирает пот со лба замызганным платочком, Арина раскладывает по карманам на своем фартуке разномастные кисти, Аннушка пристально изучает меня в отражении. Перевожу взгляд в зеркало и вздрагиваю.

– Мать-перемать! Это что за ерунда?! – кричать не удастся – горло схватывает спазмом. Остается только шипеть. Аннушка ухмыляется, достает что-то из кармана и подходит ко мне. На шею, под колье, ложится кусочек пластыря телесного цвета. Вопросительно смотрю на свою свиту, открываю рот и... Ничего.

– Отлично. Теперь образ завершен. – Довольно кивает Аннушка. – Не паникуй, Оксана! Просто страховка на случай форс-мажора. Ты не профессионал, а роль требует от актера полной немоты. После спектакля дам микстуру, голос вернется.

Я даже шипеть не могу в ответ. Только злобно смотрю на всех.

– И не удивляйся. Кстати, костюм тебе очень идет. Советую на настоящую свадьбу подобрать похожий фасон. – Продолжает режиссер, глядя на мое отражение. Я не говорила? Они обрядили меня невестой! При полном параде – белоснежное платье то ли из шелка, то ли из шифона, расшитое жемчугом по лифу, тонкие кружевные рукава, невесомая фата до лопаток – тоже с мелким жемчугом по краю, жемчужные серьги-капли и жемчужное же ожерелье по шее в три ряда. Как будто ошейник.

– Держи. – Аннушка протягивает мне огромный, с полметра, составной бумажный веер. – Теперь объясняю роль. Ты знаешь, что в каждом спектакле есть три круга ролей и мастер. Мастер выступает наблюдателем. У нас есть список ролей именно для мастеров, в зависимости от типажа автора сценария и сюжета. Из всего списка тебе подходит сегодня только эта роль – Безымянная невеста. Задача – после третьего звонка влиться в толпу актеров и зрителей, обойти по очереди всех и раздать роли. Твой веер – это как раз роли, посмотри внимательнее. Просто дернуть за верхнюю часть грани – и листок отцепляется. Контролируй – здесь роли для всех. Остаться должна только одна – ее просто уберешь. Дальше вспоминаешь сюжет спектакля и просто наблюдаешь. Если покажется, что кто-то лагает или тормозит сюжет, подходишь и подталкиваешь в нужную сторону. В прямом смысле подталкиваешь. Можешь хоть на столе плясать. Да, обувь сними, плиизз, босой идти придется. Роль немая, язык жестов после раздачи ролей тоже забудь. Считай, что ты – тень. Скользишь сквозь толпу и просто наблюдаешь за тем, как движется процесс. Все поняла? Кивни.

Киваю, про себя придумывая этим гадам все кары небесные. Сами, несмотря на свой клятый профессионализм, что-то не торопятся натягивать этот костюмчик.

– Спасибо! Ты нас очень выручила! – Аннушка целует меня в щеку и движется в сторону выхода.

– До встречи после спектакля, Мастер! – Арина подмигивает и убегает в следующую примерочную – судя по доносящимся звукам, гости уже прибыли.

Так и узнают изнанку жизни творческих личностей, вздыхая про себя. Ефим Иванович поит меня лимонадом, еще раз расправляет все складки на платье, опускает на лицо фату, раскладывает по плечам волосы и подталкивает к выходу.

– Не бойся, Оксанушка. Все правильно движется, все хорошо будет. Забудь про все страшилки, что про эту роль ходят. Хозяйка не в обиде будет. – Напоследок шепчет мне костюмер, после чего выталкивает в коридор. Я оказываюсь в толпе разодетых актеров и зрителей.

Первый звонок. Второй. Третий.

Я распахиваю веер, повинувшись команде Аннушки, стоящей среди зрителей. Толпа втягивается в общий зал.

Игра началась.

Наша Вселенная похожа на девичье ожерелье – так тесно нанизаны чужие реальности и миры на нитку мироздания. В каждом мире бушует людское море, где-то чистое, где-то разбавленное кровью других существ. В каждом мире растут и рушатся империи, плетутся заговоры, цветет истинная любовь и глохнет души отчаяние. Миры идут своим путем, живут, растут, но в каждом из них есть свой Договор, в котором рукой Творца записан Смысл жизни. Хранят этот договор всегда два рода стражей. Они же могут переписать смысл жизни – если, конечно, встретятся и найдут Творца. Только... никто и не ищет, лишь сетуя на гнев богов и кары небесные. Забыли люди, что даже с Хозяйкой судеб можно договориться.

Мой мир зовется Тесея. Здесь живут люди, вампиры, оборотни и прочая нечисть. Все шло прекрасно в нашем мире. Пока однажды не пришел дорогой творцов Гончий. Богам лишь ведомо, из какой реальности его к нам закинуло. Главное, что именно с него началась стремительная гибель Тесеи.

Меня зовут Дея Лин, я мастер-артефактор, чистокровный человек восемнадцати лет. Страж половинки Договора в своем поколении. И я уже третий год ищу по всем дорогам Творца, чтобы вписать новый смысл взамен того, который растоптал, исказил этот клятый Гончий.

Три года назад он, едва встав на ноги после утомительного перехода, оглянулся вокруг и... выжег городище, в котором его приняли, дотла. Ничего не осталось – лишь серый, ломкий пепел. Боги ведают, что послужило причиной.

Сейчас Гончий и его последователи гнилой паутиной охватили всю Тесею, все ее государства. Им и не потребовалось много времени – в душе каждого из нас коптит огонек недовольства другим народом. Такова суть вещей, ничего не поделать. Мы принимали это и жили с миром.

Гончий втоптал наш мир в грязь, истребляя всех, чья кровь чиста. Я не помню точно, чем он объяснил это, придя в мой город. Мне было пятнадцать, праздник рождения в нашей семье проходил всегда на лоне природы. Нам повезло. Редкие уцелевшие в той жаркой вспышке рассказали, что пришел мужчина и попросту сжег всех, кто ни разу не смешивал кровь с другим народом. Говорил, что выжигает разносчиков аристократической заразы, паразитирующей на труде других. Бред.

Миром правит любовь. Такой смысл жизни записан в нашем договоре. Только от любви зависит, какие крови струятся в венах наших детей. Никому не подвластно это чувство – и мы всегда счастливы, обретя свою пару. Мы просто не можем иметь детей от тех, кто не наша судьба – спасибо Творцам. Сжигать тех, чей спутник жизни оказался той же расы по велению судьбы – несусветная глупость. Мы все это понимали. Но многие предпочли забыть – как же, это такой простой способ иметь власть над другими... Я даже не думала, что на Тесее столько подлецов.

Мне повезло еще раз – семья успела скрыться от гнева Гончего в стране полукровок, Халии. Сюда он просто не заглядывает, единожды проверив всех жителей в самом начале. Им повезло – ни одного чистокровного здесь не было. Нас приютили за небывалый талант и мастерство. И помогли укрыться.

Сегодня прием во дворце правителя Халии, многомудрого Шорвана Третьего. Сегодня здесь собрались представители всех народов, что когда-то приехали на заброшенный остров посреди мертвого моря. Огромный подгорный зал с резными колонными сверкает гранями алмазов и рубинов, плещется посреди мраморного поля цвета лазури подземное озеро с целебной водой – любой может испить три глотка и излечиться от всех хворей. Мудр Шорван и добр к подданным своим.

Я кружусь в танце среди других гостей, отбивая себе ритм сердца колокольчиками на руках. Мама говорит, что я похожа на Метель – богиню северных княжеств. Мои волосы цвета застывшего молока, глаза – озерный лед, пронзительно-голубой на фоне белой, матовой кожи. Вихри Метели так же кружатся во время ее пляски, как и я сегодня. Сегодня праздник – день рождения наследника престола. Грех не повеселиться.

Кружит вокруг меня хищным коршуном наследник. Красивый, изящный, как южный кот. Лукавый. Говорят, мы красивая пара. Только молчит мое сердце, не отзывается трепетом, когда смотрю я на него.

Не понять царевичу, что власть его над людьми еще слаба. Заслужить уважение народа делом нужно, а не отцовским наследием. Глупый. Капризный.

Кружит меня музыка, уводя от настырного мальчишки. Бросает от партнера к партнеру, не давая никому из них поймать, остановить, зацепить своим ритмом. Нет среди них того, кого ищу.

Тревога дрожит сегодня над дворцом правителя. Подсказала мне вещунья в городе, что судьбу свою и погибель встречу я в покоях царских. Пусть. Лишь бы дело свое сделать успеть.

Танцы сменяет застолье. Его – игры огней. Дальше – дары гостей. И снова танцы. Открывает каждый душу свою, показывает чистоту помыслов царю. Нет здесь предателей. Или... не было?

Вихрь огненный обжигает, вынося на середину зала, на бортик озера высокую фигуру. Алый плащ до пят, полумаска на лице в виде всполоха пламени. Никто никогда не видел лица Гончего. Кто видел – уже не расскажет.

Смеется царевич, хватая за руку, к себе прижимает, пока Гончий с царем беседует. Спокойны гости, хоть и недовольны наследником – всем он объявляет, что Гончего позвал. Праздник же. Веселье.

Шепчет – отдайся, тогда сохранию тайну твоего рода. Не выдам. Глупый.

Видит Гончий чистых кровью, как будто пламенем светятся они перед ним. И меня увидел.

Идет сквозь толпу он, у царя дозволения спросив. Отходит враз присмиревший царевич, бледнеет, понимая, что натворил. Берет меня за руку Гончий, выводит на балкон дворцовый.

– Я долго искал тебя, моя пэрри.

Падает на пол полумаска. Смотрят на меня глаза янтарные, ласковые. Огонь мягко плечи мои озябшие греет, плащом укрыв. Вот ты какой, Феникс, чужими богами по наши души отправленный. Погибель и Палач Тесеи.

Тянет он руки ко мне, обнять хочет. Пляшет костер вокруг нас, от взглядов прячет.

Молчит сердце мое. Не отзовется. Обманули боги Феникса, не тем путем отправив.

– Мир есть любовь, Гончий. Ты принес нам смерть.

Гаснет нежность в глазах его, ревет огонь вокруг. Убьет, не пожалеет. Нет в нем жалости, лишь пламя яростное. Не успеть долг выполнить. Звенит в ушах, темнота накатывает. Жалобно плачут на руках колокольчики. Лишь белая тень мелькает среди гостей. Пляшет, кружится, все ближе и ближе. Метель?

Подходит ближе танцовщица – невестой обряжена. Волосы черные плетями воздух хлещут, ноги босые в кровь стерты, мерцают камения на наряде ее. Обнимает танцовщица Гончего – сквозь пламя ревущее. От боли морщится, слезы по щекам бегут – но молчит. Молчит...

Очарован Гончий. Замер, затих, смотрит – не оторвется. Опадает его пламя, стихает. На колени становится Гончий, невесты руку тонкую целует.

– Ты за мной пришла, Смерть?

Хрипит голос его, бывший звонким и громким. Волнуется Гончий. А Смерть, вечная невеста, смеется да за собой его уводит. Возвращается вдруг, оставив Гончего за спиной, за плечи меня берет да в сторону каменного сада поворачивает, что под балконом вырос.

Стучит сердце мое, грохочет. Человек всего лишь – а столько боли и неги. Нет больше в моем мире ни гончего, ни царевича, ни пожаров, ни пепла хрупкого. Только его вижу. Только им дышу.

Стоит в саду человек, на меня уставившись. Глаза как небо грозовое, волосы цвета молний ветвистых, молот в руках как у Бога грома.

– Кто ты?

– Твой спутник. Твой Страж.

Пляшет молча Смерть, за руку Гончего ухватив, вытанцовывает. Пьют да кушанья поглощают гости царские. Лишь мы стоим вдвоем, никем не замеченные, никем не потревоженные.

Говорила мне вещунья, что два стража, сердец лишившись, спасти Тесею могут. Готовилась я к смерти жаркой. Встретила избавление.

Крепко обнимают руки Его. Шепчут вместе губы клятву-вызов Договора. Звенят колокольчики ледяным дождем.

– Преданная Истина есть Смерть.

Крепко держат руки Его. Смешивается кровь, по запястьям бегущая. Выводит нежной рукой Невеста без имени слова наши на тонком пергаменте. Не будет на Тесее предателей. Не жить в нашем мире подлецам и властолюбцам. Улыбается Смерть, пергамент надвое разделив. Других Стражей найдет она. Наш же долг отдан полностью.

Жестоко учит нас Творец. Ждали спасение от Любви, верили. Но пришла лишь Смерть. Безымянная Невеста, которой покорны все – и Палач, и царь, и все наши боги разом. Шепчут на ухо губы любимого:

– Мир спасла Смерть.

Извивается Невеста вокруг Феникса, глаз от себя оторвать не позволяет, манит, чарует, за собой ведет. Уходит Гончий вслед за своей судьбой, исчезает образ его в кольце пламени – может, в свой мир попал, наконец, обманутый Феникс? Уходит с праздника Смерть, легко ступая по мраморным плитам. Шарахаются гости от нее, глаза прячут – боятся, что с собой позовет. В безмолвии исчезает Безымянная, лишь грустно улыбается, на нас оглянувшись.

Пусть и для тебя найдется Любовь, вечная Невеста.

Меня потряхивало. Трясло, пока я уходила из главного зала, увидев Рика, который показывал на часы – мол, все, финита ля комедия. Трясло, пока Ефим Иванович помогал мне переодеться обратно в родные джинсы и толстовку. Трясло, пока мы ждали всех актеров и прочий состав труппы за сценой.

Помог только стакан коньяка, выпитый залпом. Костюмер удивленно присвистнул, заметив, как я присосалась к напитку, но ничего не сказал. Челюсти сводило от алкогольной горечи, но зато я перестала изображать осиновый лист и согрелась. Зашла Аннушка, влила мне в рот столовую ложку какой-то кислой бурды, отлепила пластырь с шеи. Голос вернулся минут через десять.

– Вашу мать, – прохрипела я, – в следующий раз сами босиком пойдете! Хотя бы подогрев пола включили, садисты.

– А я говорил, Ань, что дурацкая затея! – ко мне пробились Иван с сияющей Лидочкой под руку. Выудил откуда-то жестом фокусника толстые шерстяные носки (мама связала), плеснул себе на ладони коньяка со стола костюмера, растер чудо-напитком мои озябшие ступни, натянул носки. Сверху на плечи упал теплый, явно нагретый на батарее клетчатый, поеденный молью плед – Иван Ефимыч поделился.

Дальше мы уселись в кружочек, как будто в детском лагере, и начали делиться впечатлениями. Постановили, что:

1. Лидочка шикарно отыграла главную роль – девушку-Стража играла именно она. Потому директор уже дал добро на включение ее в труппу – если сама захочет.

2. Парня, игравшего Гончую, ставим в черный список и больше не пропускаем, ибо маньяк – ну не было у нас даже мысли, что он пойдет всех жечь!

3. Ваня – молодец, всех спас, даму свою очаровал и вообще с ролью справился. Дама, то есть Лида, скромно покраснела и прижалась к кавалеру покрепче. Судя по всему, наша с Ваней задумка успешно воплотилась в жизнь.

4. Мастер, то есть я, тоже молодец. И как помощник сценариста (я узнала, это Иван донес!), и как мастер. Хотя и вышла из рамок наблюдения, но кто знал, что случится такой убийственный форс-мажор в игре? Потому Аннушка решила тоже принять меня в труппу помощником сценариста.

Ну и дальше по мелочи – похвалы костюмерам и гримерам, общему составу, замечания актерам и так далее. Меня к этому времени уже разморило, так что я клевала носом, укутавшись с головой в плед. Естественно, ночевать меня оставили в театре – пожалели, не стали будить. Иван просто перетащил мою сопящую тушку на диван в комнату отдыха, укрыл одеялом и умчался провожать Лидочку.

Мне снился чудесный сон. Бежала, улыбаясь, босоногая девчонка в белом подвенечном платье. Катился перед ней серебристый клубок, ложась под ноги жемчужной нитью. Я знала, что где-то впереди ждет ее, раскинув руки, тот самый, которого она ищет. Ведет к нему клубочек – и совсем немного осталось пройти ей до своего счастья.

Часть 2

Глава 8. Поворот

*Выезжайте за ворота
И не бойтесь поворота —
Пусть добрым будет путь.
«Поворот», Машина времени*

С той ночи, когда я играла Смерть, прошел месяц. Пролетела середина декабря, мы даже заметить не успели. За это время в театре поставили еще пять спектаклей – два из них мы писали вместе с Юлькой. Я познакомилась со всеми актерами труппы – к концу календарного года все двадцать два человека, включая нас с Лидой и директора, вернулись в родные пенаты. Ребята оказались талантливыми, дружелюбными, хотя и каждый со своим заскоком. Даже Эльза спустя недели две-три присмотрелась к нам внимательнее и успокоилась. Еще бы, Лида на главные роли не рвалась, ей и второстепенных хватало. Да и Эльзу она почти боготворила. Та сначала не верила, все искала подвох, но потом успокоилась.

Курсы кадровиков успешно завершились. Мы сдали экзамены, скинулись на стол преподам, и после недолгого ожидания получили свои бумажные корочки, без которых, по словам Тамары Файзыховны, человек и не человек вовсе. В моей жизни все устаканилось и успокоилось. Вместо Лельки ко мне переехала Юлька – с ней жить оказалось гораздо проще и веселее. Все-таки взаимное уважение – ценная штука. Лелька иногда забегала в гости, ненадолго.

– Куда мне до вас, театралов, – цедила она сквозь зубы, когда мы с Юлей в очередной раз увлекались придумыванием очередного сюжета. – Скучно с вами, пойду лучше Каю в клубе помогу.

Да, мое стихийное бедствие вернулось. Правда, ко мне не приближалось. Даже странно – уже месяц прошел, от него ни звоночка. Неужели наконец-то остыл?

Кстати, Лида с Иваном после той постановки все же начали встречаться. Я и не думала, что парни бывают такими мнительными. Раз в два-три дня меня будил посреди ночи очередной телефонный звонок, где кто-то из этой чудо-парочки страдал и изнывал от желания спросить совета.

– Ксана, как быть?! Он мне запрещает надевать любимое платье, ты представляешь?! Мы так поругались! А я же для него, чтобы видел, какая я красивая, любовался... – Лида хлюпала носом в трубку.

Мы как раз сидели после очередного разбора полетов, и пили вкуснящий бабушкин чай, прикидывая, кому и какие роли раздали бы. Автором постановки была Аннушка. Мы уже битый час пытались разобраться, почему главные роли она выдала именно этим людям, а не другим. Словом, Лидочкины стенания были не вовремя.

– Лида, платье длинное? – я со вздохом начала вспоминать, в чем подруга ходила на лекции, в кафе и в театр. Раз любимое платье, значит, точно надевала.

– Выше колена, изумрудное такое, помнишь?

– О боже, это то, где спина до задницы открытая? – Юля, сидящая рядом, закатила глаза. Ну да, Лида еще удивляется, почему Ванька против. Платье-то красивое, но...

– Ничего она не открытая, там специально кружево пришито! – возмутилась Лидочка.

– Ага-ага, полупрозрачное. Напомни-ка повод, куда вы собирались вместе идти?

– С его друзьями знакомиться, в Рыбу.

– Лида, ты – дура. Уж не обижайся. В таком платье тебя совесть твоя в первую очередь выпускать не должна!

– Но ведь красивое же!

– Парень у тебя есть? – придется помочь ей восстановить логику событий, куда деваться.

– Есть.

– Любимый?

– ну... Наверное, мы еще это не обсуждали.

– Расстаться с ним хочешь?

– Нет! Ксана, нет, конечно!!

– Ну, так на кой ляд тогда одеваться, как будто ты одинока, ищешь компанию и не против провести ночь с первым, кто угостит коктейлем? – не выдерживаю и срываюсь на крик. – Лида, он тебя с толпой мужиков знакомить будет! Ты должна выглядеть мило, симпатично, но без единого намека на сексуальность! Ясно?!

– Д-да. – подруга на том конце провода ненадолго подвисла. Судя по шуршанию, перебирала платье. – Ксан, я все поняла. Я не подумала как-то, что это со стороны будет так обидно для Ванечки смотреться. Как думаешь, ванильное подойдет?

Я честно попыталась вспомнить названное платье, но не получилось.

– Если у него скромные вырезы на груди и спине, а длина хотя бы до колена – то да.

– Здорово! Спасибо!

– Перед Ванькой извинись, балда.

– Конечно-конечно! А вот Эльза говорила...

Юлька не выдержала и отобрала у меня трубку.

– Лидка, у Эльзы свой мужик, у тебя свой. Мало ли что она говорила! Ян с Ванькой абсолютно разные, тут нечего спрашивать!

– Все-все, Юль, я поняла. Спокойной ночи вам!

Юлька хмуро смотрела на телефон. Когда Лида начала общаться с нашей примой, между девушками начали расти и множиться какие-то недомолвки, обидки и тому подобная ерунда. Юля не любила Эльзу и никогда этого не скрывала. Лида, напротив, примой восхищалась (хотя я так и не поняла, за что) и все Юлины комментарии встречала неодобрительным фырканьем и поджатыми губами.

– Юль, забей. Если нет у нее своего мозга, в таком возрасте уже не появится. Понять бы, чем ее так Эльза зацепила.

– Я и так знаю. – Юля бухнулась на диван, поджав ноги. – У них семьи из одного круга – крутые папики-бизнесмены и золотые дети, привыкшие получать все самое лучшее. Просто Лидку отец до откровенного разгула и разврата не допускает, а родители Эльзы особо не заморачиваются – чем бы ни тешилась, лишь бы скандалов не закатывала и дите в подоле не принесла.

– Ты откуда знаешь? – такие подробности из жизни двух театральных блондинок для меня были в новинку.

– Про Эльзу Рик рассказал. Лида про себя сама. Ну и Лидка наша – единственная дочь, а у Эльзы еще брат старший есть. Кстати, Рик говорит, что директор очень хочет, чтобы Ян с Эльзой поженились. Выгодный брак, ага.

– Нда уж, новости одна другой круче. Зачем это Леру? Разве театр нуждается?

– Театр всегда нуждается, – Юлька махнула рукой, откинувшись на спинку дивана. – Декорации, гастроли, костюмы, реклама... Найдется, на что потратить. А тут и у детей любофф, и приданое у Эльзы хорошее – папкины связи и кошелек.

– Ну, тут уж мы ничего поделать не можем.

– Да уж. Ладно, пошли спать. Потом разберем Аннушкины секреты.

Мы и легли. В пять часов утра воскресенья. Благо, что чаек с мятой и ромашкой приятному сну способствует.

За несколько часов до этого Мориш Леру, директор театра марионеток, как про себя он называл свое детище, досадливо щурился, глядя на возмущенную приму. Спектакль должен был вот-вот стартовать, а девушка, вместо того, чтобы спуститься в гримерную, устроила скандал в его кабинете. И если истерику по поводу второй светловолосой актрисы удалось погасить без проблем – новенькая попросту отказалась от всех главных ролей, подписав официальное соглашение, то сейчас...

– Директор! вы вообще меня слушаете? Я повторяю – по какому праву моего брата не пускают на спектакль?! Что за самоуправство? Я говорила вам, что эта Анна до добра не доведет, теперь она еще и клиентов не впускает! – блондинка ударила кулачком по столу, за которым восседал господин Леру. Впрочем, она быстро опомнилась и тут же сделала шаг назад.

– Эльза, у нас нет клиентов. Только благодарные зрители.

– Да какая разница! Я пригласила брата, понимаете, брата! А его охрана держит на пороге! – брат был для Эльзы лучшим другом и поддержкой во всем. Неудивительно, что отказ охранников впустить молодого человека по списку ее так разозлил.

– Сейчас разберемся. – Мориш Леру набрал номер на своем стареньком Самсунге (качество моде не поддается). – Рик, пригласи ко мне в кабинет Аннушку. Прямо сейчас, да.

Режиссер появилась в дверях спустя минут десять. Все это время Эльза буравила взглядом картину над головой директора. На картине смешливый арлекин в красно-черном трико, склонившись над сценой, управлял куклами-марионетками в костюмах девятнадцатого века.

– Анна, объяснись. Эльза утверждает, что ты держишь ее родственника на пороге клуба.

Девушка с синими волосами в небесно-голубом платье и полосатых гетрах так зыркнула на приму, что Эльза не на шутку испугалась. О нестабильном характере режиссера говорили уже давно. Скандал в предыдущей труппе, где она работала, произошел из-за безобразной драки с ее участием. Кажется, там кто-то из актеров позволил себе парочку пошлых замечаний в адрес Аннушки. Одному из шутников хрупкая «Мальвина» сломала нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.